

К.М.Станюкович. Собрание сочинений в 10 томах. Том 1. //Правда,
Москва, 1977
FB2: Vitmaier, 2008-05-07, version 1.0
UUID: 32ba5678-8208-102b-bf1a-9b9519be70f3
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

В далекие края
(«Морские рассказы»)

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0024
III.....	.0041
IV.....	.0059
V.....	.0082
VI.....	.0091
VII.....	.0106
VIII.....	.0126
IX.....	.0141
X.....	.0152
XI.....	.0161
XII.....	.0172
XIII.....	.0188
XIV.....	.0202

**Константин Михайлович
Станюкович
В ДАЛЕКИЕ КРАЯ**

Когда я начал было составлять маршрут путешествия из Петербурга в страну золота и классического «Макара» [1], где по делам мне предстояло прожить довольно продолжительное время, я мог сообразить свою поездку лишь до Урала. Дальше всякие соображения относительно времени и способов передвижения прекращались, и я находился в таком же недоумении, в каком очутился бы, собираясь посетить неизведанные места Центральной Африки. Я, правда, знал, что по некоторым сибирским рекам, названия которых еще со школьной скамьи неизгладимо врезались в память, ходят пароходы, что в последнее время и экспортация преступных элементов совершается преимущественно летом, чтобы воспользоваться водяным путем, но когда, откуда и куда ходят пароходы, в какой срок совершают рейсы, что стоит переезд на них, – вот вопросы, в ответ на которые все отечественные календари и путеводители позорно молчали, игнорируя сибирское пароходство.

Проникнуты ли наши Бедекеры [2] убежде-

нием, что в отдаленные места добровольных путешественников ездит слишком мало, и для них не стоит давать лишнюю страничку сведений (для невольных же туристов, которых, напротив, слишком много, существуют казенные путеводители), забывают ли они о Сибири по небрежности или просто по российской халатности, – не знаю. Но дело только в том, что несравненно легче с каким-нибудь иностранным курсбухом в руках составить точный расчет путешествия в Австралию, Китай, Калифорнию или на мыс Доброй Надежды, чем, находясь в столице империи, сообразить способы сообщения, время и стоимость экскурсии по ту сторону Уральского хребта. Месяц, полтора ли изнывать вам в дороге, где пользоваться водой, где почтовым трактом, можно ли на станциях достать какие-нибудь орудия передвижения, более гарантирующие целостность ваших внутренностей, чем перекладные, – все это было облечено для меня глубочайшею тайной.

Такою же, если еще не большею, романтической тайной окутаны и сибирские города с их 300 морозами и классическими «сибирски-

ми» пожарами. И если вы, как предусмотрительный человек, пожелали бы узнать, хотя бы в общих чертах, чего вам ждать от того или другого города, есть ли в нем, кроме присутственных мест, острога, рынка и клуба, еще и другие образчики цивилизации, – школы, гимназии, библиотеки, – то вы много потратите времени в надежде обрести нужные вам сведения.

Из суворинского календаря [3] вы можете лишь узнать число жителей в любом городе и, разумеется, неверное, так как сибирская статистика не только наука, но и дойная корова для собирателей сведений, как и полагается в дореформенных палестинах. Вдобавок не забудьте, что в Сибири в непрерывных «бегах» числится обыкновенно до сорока тысяч человек (опять-таки по сибирской статистике), и вы поймете, как трудно усчитать, в каких городах отдыхают отряды этой вечно «бегущей» армии. Мало извлечете вы, заглянув для очистки совести и в учебники географии. Они напомнят вам, пожалуй, время вашего детства, восстановят неясный образ Ермака, укажут количество церквей, но относительно

бытовых подробностей проявят ту же скудность, какую проявлял и старик Ободовский [4]. Из разных сибирских временников и памятных книжек, составляемых губернскими статистическими комитетами частью для собственного употребления, частью для надобностей местных казенных учреждений, можно бы, пожалуй, выудить более подробные, свежие, а иногда и весьма любопытные сведения, но вы их найдете только по приезде в Сибирь, когда они явятся «горчицей после ужина», а в Петербурге, увы, вам не разыскать этих таинственных незнакомцев. Затем, в ученых путешествиях и исследованиях Сибири, у Кастрена, Палласа, Гумбольдта, Макка, Щапова, Ровинского, гг. Ядринцева и Потанина [5], в изданиях сибирского отдела географического общества [6], найдется, без сомнения, много любопытного, интересного и поучительного по всем отраслям знания, но, разумеется, в таких исследованиях и ученых монографиях не может быть тех бытовых описаний города и деревни, тех справочных, так сказать, сведений, которые именно-то и нужны обыкновенному смертному, чтобы

ориентироваться на новом месте, не рискуя очутиться в положении Робинзона или щедринаского генерала на необитаемом острове. [7]

К сожалению, у нас и вообще-то мало популярных толковых описаний путешествий. Что же касается знакомства с Сибирью, то разные интересующие вас бытовые подробности приходится искать в статьях, очерках, иногда весьма недурных, разбросанных по разным изданиям. Недурна в этом отношении книга г.Ядринцева Сибирь как колония. Она дает если и не полную, то, во всяком случае, довольно характерную общую картину сибирской жизни, хотя и смотрит на Сибирь и сибиряка с некоторым, понятным, впрочем, в авторе-сибиряке, пристрастием, особенно заметным, если сопоставить отзывы этой книги с отзывами, например, Щапова и Ровинского или Шашкова [8]. Довольно полно отражает эту будничную, так сказать, жизнь и сибирская местная печать [9], исполняя свое многотрудное дело не без упорной энергии и с достоинством, несмотря на всяческие противодействия, хорошо известные особен-

но провинциальной печати. Я говорю о Сибири и о Сибирской Газете [10], двух старых органах местной жизни, сумевших поддержать значение печатного слова.

Прочитывая эти маленькие еженедельные листки, вы очень часто встретите в них любопытный материал по исследованию народной сибирской жизни и, наверное, познакомьтесь (до известной, конечно, степени и в известных, разумеется, пределах) со многими особенностями и чудесами дореформенных порядков в «центрах» и в захолустьях этой классической страны маленьких местных са-трапчиков в образе разных заседателей и прочих полицейских цивилизаторов, исполняющих свою известную провиденциальную миссию, допотопных ярыжек [11] старых судов [12]; страны богатых и прогорающих золотопромышленников, бандитов легальных – разных кулаков местного произрастания и бандитов нелегальных – рыцарей острога и каторги, бродяг и всяких скитальцев из пришлового элемента; страны «жестоких» нравов купечества с выдающимися «сибирскими американцами», биографии которых, случает-

ся, так же темны, как темна сибирская тайга и как мрачен первоначальный источник богатств этих «вчерашних» ямщиков, ставших сегодня «уважаемыми» патрициями, с мундирами, приобретенными благотворительными пожертвованиями; страны исторических казнокрадов и расхитителей на «покое»; червонных тузов и валетов [13] не «у дел» и всякого рода артистов; страны, где и сибиряк-обыватель, и русский посельщик, и наивный бурят, и вымирающий остяк [14] или самоед [15] более чем где-либо чувствуют, что до господ бога действительно высоко, а какой-нибудь еле грамотный и вечно пьяный волостной писарь действительно близко.

Но подите, ищите в России сибирские газеты! Да если бы вы и знали об их существовании, то кому досуг и охота рыться в газетных листках?

Что же касается чисто справочных сведений о дороге и о разных местных условиях жизни, то их, как я сказал, нигде не найти, и вам предстоит пускаться в страну (для большинства действительно неведомую), уподобляясь колумбовым спутникам, если вы, по

русскому обыкновению, за неимением печатных путеводителей, не добудете себе какого-нибудь «сведущего» человека, который избавил бы вас хотя от некоторой тягости недоумений, сообщив о подробностях путешествия, как водится, более или менее неверные сведения, с обычною готовностью русского человека ввести в заблуждение ближнего самым искренним и добродушным образом.

Само собою разумеется, что я предполагаю возможность любознательности лишь относительно тех сибирских городов, которым можно дать такое название, хотя бы и с некоторою натяжкой. Я имею, конечно, в виду пять-шесть губернских центров, где действительно водится житель и где возможно предположить способы существования, хотя бы приблизительные к человеческому, а не разные Нарымы, Сергуты, Каински, Гижиги, Вилюйки, Турухански, Верхоянски (немало еще!), одни уж географические широты которых и самые их названия (не говоря о дурных слухах) отбивают всякую любознательность, по крайней мере, со стороны человека, предпочитающего культурные условия жизни

первобытной и не влюбленного в тундры и ягоду морошку.

А между тем эти географически собачьи места и на картах, и в учебниках, и в воображении наивных людей фигурируют под громким названием городов и важно значатся в списке «населенных» мест в империи. А в таких «городах», случается, и всего-то «жителя» сотня – другая, считая в том числе и команду казаков и случайного гостя, без которого немыслимо, разумеется, ни одно «собачье место». И «житель», исполняя нехитрые функции жизни первобытного человека, ухитряется даже не всегда находиться в состоянии запоя, а гость не всегда сойти с ума от тоски и не гибнуть от лишений, как бы для доказательства, что из всех земных тварей человек есть самая терпеливая и живучая, могущая приспособиться даже к какому-нибудь Средне-Колымску (припомните: «Яна, Индигирка и Колыма»), в сравнении с которым сама знаменитая Пинега, как говорят, то же, что Париж перед Тотьмой или Боровичами.

«Сведущий» человек, к которому я обратился за справками, был человек почтенный,

добросовестный, считавший себя знатоком края, но, на беду мою, коренной сибиряк, к тому же давно оставивший Сибирь, а многие сибиряки, как я не раз убеждался горьким опытом, немножко гасконцы [16], чуть дело идет об их родине. Питая к ней «род недуга» и отличаясь местным патриотизмом в очень значительной дозе, мой сибиряк был несколько расточителен на яркие краски, когда живописал красоты сибирской природы с ее тайгами и степями, рассказывал про «нетронутость» сибирского жителя (коренного, заметьте, жителя; к пришлым, «российским», сибиряк питает недоброжелательство) и с необыкновенною нежностью вспоминал о лепешках, шаньгах [17] и пирогах, о знаменитой сибирской нельме и «стружанине» (сырая замороженная рыба, которую сибиряки едят, настругивая тонкими стружками) с уксусом и луком.

Мрачная, безлюдная и холодная «страна Макара», какую представлялась она вам с детства, принимала в этих «сибирских» рассказах совсем иной вид – вид обаятельных, полных прелести палестин, не испорченных еще

вконец изнанкой цивилизации и изобилующих всякою снедью. Если бы да только «реформы», которые сравняли бы Сибирь с Россией, а не этот классический «провиденциальный» цивилизатор, не дающий сибиряку вздохнуть, не потребовавши мзды, да не пришлый «варнак», развращающий патриархального местного жителя, то хоть бы рай! И сибирский «кулак», по словам «сибирского гасконца», куда мягче русского, да и «кулаков»-то меньше. О сибирском мужике и говорить нечего, не чета русскому; он не так забит и живет куда богаче: земли вдоволь, и знает он говядину не по одним только великим праздникам, ну, словом, там, в этих привольных местах, «вообще» лучше.

Слушая все эти подчеркивания хороших сторон (дурные рассказчик-сибиряк смягчит по мере возможности), вы начинаете удивляться собственному невежеству. Думали, что Сибирь – Сибирь и есть, а выходит если и не совсем Аркадия [18] (едва ли в Аркадию ссылали бы преступников), то все-таки «весьма и весьма недурно», как выразился, вторя словам сибиряка, другой пропагандист этого

края, знакомый правовед, один из тех ранних и милых молодых людей новейшей формации, которые, при случае, умеют с трогательной любезностью уверить, что, «собственно говоря», и на Сахалине «весьма и весьма недурно».

Молодой человек, хотя сам и не бывал в «тех» местах, но имел случай по обязанностям службы («Ах, какая тяжелая служба!» – по обыкновению прибавил он, скромно опуская глаза) узнать о них основательно и может сказать, что против них сложилось совсем напрасное предубеждение. «Там» есть места превосходные, которые по климату не уступят хотя бы Швейцарии. Возьмите, например, Семиречье или местности подле Алтая. Хорошо и Забайкалье... Недурна и Томская губерния... Не совсем скверно и в Якутской области.

– Знаете ли, – прибавил он, вдохновляясь собственными словами, – я даже завидую вам, что дела заставляют вас оставить на некоторое время Петербург. Там, вдали от здешней сутолоки, на приволье, среди новых людей, в «ровном» климате, право, лучше!

Охота, рыбная ловля какая! И наконец вам волей-неволей придется узнать настоящую жизнь, а не подделку ее, не ту, которую описывают нам, тенденциозно преувеличивая ее дурные стороны.

И, увлекаясь все более, молодой человек начал нахваливать те места даже по-французски и с такою убедительностью, что я осведомился: почему он сам не перейдет на службу в «те» места? К сожалению, он ведь не зависит от себя. Раз служить, надо «тянуть лямку», где придется... Он, так сказать, «раб обстоятельств», и наконец, прибавил он, «здесь он более полезен».

Ввиду таких приятных сообщений, я, признаться, позабыл многое, что читал и о чем слышал, и заранее восхищался перспективой приволья, ясного неба, постоянного солнца, хотя и при сильных морозах зимой, но зато почти нечувствительных при безветрии (все это сведущий человек вам обещает довольно авторитетно, так что вы и не ожидаете, что все это окажется порядочным враньем) и необыкновенно дешевой жизни. Когда мой словоохотливый сибиряк окончил описание

свое «вообще», я стал допрашивать его, разумеется, детально.

Во-первых: как ехать, где сесть на пароход?

Оказалось, что от Екатеринбурга [19], связанного с Пермью железной дорогой, надо ехать до Тюмени на лошадях. Тарантас можно найти, проходная дорога – прелесть! Везут... но кто не знает, как по Сибири возят? Эти 300 верст будут приятным воспоминанием.

Читатель впоследствии узнает, какое «приятное» воспоминание оставили эти триста верст адской дороги, а пока приходилось только радоваться ожидающей прелести и узнать затем, что из Тюмени вы садитесь на пароход и по Таре, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи плывете дней десять до Томска. Оттуда опять на лошадях на прииски, куда мне приходилось ехать, оставив семью в Томске.

К сожалению, мой живой путеводитель не мог сообщить, когда ходят пароходы и что стоит переезд, и посоветовал справиться об этом в Нижнем. Там, разумеется, известно. Зато очень хвалил сибирские пароходы, обещал много красивых видов и соблазнял знаком-

ством с нельмой.

– А каков, например, город Томск?

– Превосходный. Лучший город Сибири, так сказать сибирская Москва. Вы там найдете все условия цивилизованной и притом дешевой жизни... Говядина лучшая шесть копеек... Стерлядь, осетрина, нельма дешевы... Дичь ни по чем... Ягод изобилие...

– А учебные заведения?

– Две мужские гимназии: классическая и реальная; женская гимназия, несколько школ... Скоро вот университет будет... Хорошая библиотека и книжный магазин... Театр. Недурные гостиницы...

– А как мне быть с мебелью? Не везти же ее с собой... Можно ли там найти какую-нибудь простую мебель?

В ответ презрительная усмешка.

– Что угодно найдете...

– Быть может, дорого?

– Всякая есть: и дорогая и дешевая, – успокаивает вас сведущий человек.

Но вы сделаете большой промах, если поверите, так как убедитесь горьким опытом, что в «сибирской Москве» нет ни одного ме-

бельного магазина, и вам придется ожидать «случая», чтобы приобрести хотя письменный стол или же купить разный хлам на базаре, этом главном, общеизвестном месте Томска.

Точно такие же утешительные сведения вы получаете в ответ на вопрос о квартире. Оказывается, что квартиры очень дешевы.

– Да вот я вам скажу: за пятнадцать рублей в месяц я нанимал целый дом в шесть комнат. Правда, это было десять лет тому назад. Теперь квартиры подороже, но все-таки они дешевы.

Увы, и на этот счет вас ждет разочарование.

Наконец я, как человек, собирающийся в новые места не один, а в приятной компании нескольких «прелестных малюток», поинтересовался вопросом общественной безопасности, ибо вспомнил, что в газетах писали, будто в Томске грабежи часты, и слышал, что вообще там без револьвера по вечерам выходить на улицу небезопасно.

– Все это преувеличивают! – не без сердца возразил мой сибиряк.

– Однако и г.Ядринцев в своей книге Сибирь как колония приводит не особенно утешительные сведения насчет Томска: пятьдесят восемь краж и убийств в три месяца, по официальным данным.

– Ну, может быть... не спорю... были такие три месяца, но вообще... ничего нет особенно страшного. В маленьких городках случается, правда, иногда, что жители находятся как бы в осаде от варнаков. Ну, а в больших городах, слава богу, и полиции больше и солдаты есть. Конечно, не без того, пошаливают, а вы хорошенько запирайтесь на запор по ночам да собак хороших заведите, не лишнее, разумеется, и револьвер на случай иметь. Береженого бог бережет, так оно и безопасно... А чуть ежели что... заберутся к вам, вы – бац из револьвера... Этих мерзавцев, варнаков, жалеть нечего! – утешал сибиряк.

Но радость моя была омрачена, когда, несколько дней спустя, пришлось случайно встретиться с другим «сведуцим» человеком, совершившим на своем веку немало разъездов по разным окраинам России. Начиненный более или менее утешительными сведе-

ниями, я, под впечатлением «сибирских» рассказов, начал было передавать ему свои надежды, но увидел на лице его ироническую улыбку. Сперва он слушал молча, но наконец не выдержал и стал рассказывать про Сибирь, где он прослужил года три. Он был немолод. Этот новый «сведущий» человек не особенно радостно смотрел вообще на мир божий, а на сибирский край в особенности. И, слушая этого, несколько утрюмого скептика, мне пришлось из рая, нарисованного милейшим сибиряком и любезным «рабом обстоятельств», перенестись, так сказать, прямо в самое жерло ада. Самые темные краски, казалось, были недостаточны, чтобы достойно заклеить эту «подлейшую» трущобу. И природа, и климат, и люди, и нравы – все это в его рассказах получало мрачную окраску. Он, впрочем, жил более в Восточной Сибири, Томска не знает, проезжал только, и о нем не мог сообщить ничего положительного, но, по аналогии, хорошего ожидать и от него нечего.

– Вы, верно, наслышались от сибиряков, – продолжал он. – Это они вам так расписали... Они, в большинстве случаев, отчаянные пат-

приоты своего отечества, «омулевые», так сказать... Нахваливают свое болото и даже своих великих людей создают... Самые образцовые между ними (хотя это и большая редкость) не свободны от такого китайского взгляда на вещи. Везде нынче, положим, не особенно сладко живется, везде дичь еще порядочная, но такой дикой, такой заскорузлой страны, как Сибирь, я не видал.

– Однако вы уж чересчур мрачными красками разрисовали сибирскую жизнь, – возразил я, когда мой сведущий человек в достаточной степени напугал меня.

– Мрачными?.. А вот сами увидите, какова эта жизнь для человека, не способного с утра и до вечера душить водку. Главное, – продолжал он, – запасайтесь-ка терпением и персидским порошком; это необходимейшие вещи и в дороге и на месте... Да не забудьте купить здесь самые высокие калоши, какие только найдете, а то, еще лучше, закажите, чтобы в сибирских городах ходить по улицам... Грязь везде такая, что потонуть можно! – заключил свои неутешительные напутствия этот бывалый скиталец по разным окраинам необъят-

ного отечества.

Несколько сбитый с толку такими противоречивыми отзывами, я, однако, последовал совету «сведущего» человека пессимистического характера, запасся персидским порошком и высокими калошами, и в начале лета мы тронулись из Петербурга в дальние края.

Терпением запастись не приходилось. Этим похвальным качеством всякий русский человек наделен, слава богу, в достаточной мере, – в такой достаточной, что мог бы, не погрешая против истины, повторить чичиковские слова генералу Бетрищеву: «Терпением, можно сказать, повит и спеленат, будучи, так сказать, одно олицетворенное терпение, ваше превосходительство!» [20]

По России, как известно, редко путешествуют, а чаще ездят, сожалея о пароходах на железной дороге и о железных дорогах на пароходе. Нечего и говорить, что эти длинные переезды особенно затруднительны, когда приходится ехать с детьми, не рассчитывая на отдельные купе в первом классе. Я этим не хочу чернить ни наших железных дорог, ни пароходов. Кто путешествовал по Европе, хорошо знает, что наши вагоны гораздо просторнее и удобнее, например, французских, австрийских и итальянских, в которых буржуазное скаредство отводит пассажиру как раз столько места, сколько необходимо человеку, чтобы он, не шевелясь и не протягивая ног, мог не задохнуться от тесноты.

Но при всех этих неудобствах путешествие по европейским железным дорогам не сопряжено с тем нервным напряжением, в каком вы постоянно находитесь на наших (особенно путешествуя с дамами и детьми), если заблаговременно не вступили в интимное соглашение с обер-кондуктором насчет «местечка»

или не имеете возможности, в качестве особы, занимать целый вагон.

Там, в Европе, вы просто едете, а у нас вы, так сказать, совершаете нечто вроде военной экспедиции, сопряженной со всевозможным случайностями и «историями», предвидеть которые так же трудно, как трудно не иметь их, хотя бы вы и обладали воловьими нервами и русским терпением.

В каком бы классе вы ни ехали по Европе, вы чувствуете себя среди граждан, тонко понимающих значение общественности. Вам не придется воевать из-за места, так как каждый понимает, что нельзя человеку занимать два или три, когда у другого нет никакого, из-за открытых окон с обеих сторон, из-за курения в некурильных вагонах и т.п. Все это мелочи, но мелочи, отравляющие путешествие и характерно отмечающие культурную разницу между публикой, особенно по мере удаления из Петербурга.

Среди нашей, так называемой, культурной публики, в вагонах первого и второго классов, вы зачастую можете наблюдать и этот недостаток знания азбуки общественности:

невнимание к интересам другого, желание во что бы то ни стало обойти самые элементарные правила общежития, захватить себе два, три места, войти в пререкания, лгать самым наглым образом, говоря, что места заняты, и еще посмеиваться, глядя, как какой-нибудь пассажир или какая-нибудь пассажирка, словно обезумевшие, носятся из вагона в вагон, вотще обращаясь к ближним с вопросами о свободном месте, пока наконец не явится обер-кондуктор и после обычного пререкания не водворит нового пришельца на месте, рядом с ворчащим и негодующим соседом.

Обычные вагонные сцены грубости нравов и отсутствия всякого чувства альтруизма среди большинства культурных путешественников разнообразятся еще зрелищем неожиданных метаморфоз, мгновенно превращающих, точно на гуттаперчевой кукле, выражения этих непреклонных и геморроидальных лиц петербургских путешествующих чиновников или рыхлых, более добродушных физиономий провинциалов в выражение трогательного собачьего умиления и преданности, если вдруг среди пассажиров появится в вагоне ка-

кая-нибудь известная «особа» или, среди разговора, обнаружится как-нибудь инкогнито какого-нибудь известного лица. При таких случаях русский гражданин не умеет даже соблюсти постепенности перехода от непреклонности к умилению и, как бы опровергая теорию Дарвина, как-то мгновенно из человека превращается в собаку, да еще виноватую.

В вагонах третьего класса, среди серого пассажира, вы чувствуете себя как-то нравственно спокойнее, но продолжительное путешествие в третьем классе, особенно летом, когда вагоны набиты битком, требует некоторого мужества и привычки к тому специфическому запаху, который жаркою летнею ночью делает пребывание в душном вагоне несколько похожим на сиденье в помойной яме. Зато там, по крайней мере, вам не придется воевать из-за мест и ждать каких-нибудь историй с соседями. Там, напротив, чувство общности инстинктивно развито гораздо более, там всегда готовы потесниться, даже слишком потесниться, если у вас фуражка с кокардой, и боятся каких-нибудь историй с тою приниженной боязливостью серого че-

ловека, которая особенно ярко бросается в глаза в вагонах и на пароходах, и чем дальше от столиц, тем больше, так сказать, нагляднее.

Он, этот «серый» пассажир, точно чувствует себя виноватым уже за то, что за свои деньги занимает место, и редко протестует, если ему прикажут «маленько потесниться»: вместо лавки, приткнуться как-нибудь в проходе или скорчиться на полу, и валяться на палубе в невозможной тесноте с кучей детей, которым грозит ежеминутная опасность быть придавленными в ночной темноте.

Этот безответностью, этим уменьем безропотно приспособиться к такому положению, которое любому иностранному крестьянину или рабочему показалось бы невозможным нарушением его права, пользуются, и широко пользуются, на железных дорогах и в особенности на волжских и сибирских пароходах. Вагоны и палубы зачастую набиваются живыми людьми, словно сельдями в бочках. Никто не находит возмутительной такую эксплуатацию. Никто из бесчисленного штата надзирающих не обращает внимания на такое нару-

шение права, хотя подобное сгучивание людей и влечет за собой нередко болезни и смертность (особенно детей), как это и случается на сибирских пароходах, перевозящих переселенцев.

Если вы рискнете заметить о таком отношении к пассажиру, заплатившему деньги, какому-нибудь железнодорожному или пароходному начальству, то оно, разумеется, не только не обратит внимания на ваше замечание, но еще пренаивно выпучит глаза, спрашивая: «какое вам до этого дело?»

Такой именно вопрос и задал обер-кондуктор, когда на одной из станций между Петербургом и Москвой какой-то господин, скромно одетый, обратил внимание обер-кондуктора на то, что в двух вагонах третьего класса не хватает людям мест, что пассажиры сидят по трое на лавках, а некоторые принуждены стоять, и настойчиво просил дать им места.

– Да ведь пассажиры не жалуются.

– Но нельзя же так обращаться с людьми! – настаивал пассажир.

Слово за слово, и началась одна из обычных сцен, окончившаяся, впрочем, благодаря

настойчивости протестанта и благоразумию травленного обер-кондуктора тем, что пустой задний вагон был открыт, и туда рассадили пассажиров, не имевших мест, преимущественно крестьян, возвращавшихся из Петербурга по деревням на полевые работы.

Что обер-кондуктор наивно удивился вмешательству постороннего человека, вступившего за интересы людей, которые сами не протестовали в защиту их, в этом, конечно, нет ничего удивительного; но удивительнее было то, что среди кучки людей (и все из чистой публики), слушавшей это объяснение, никто не поддержал протестовавшего господина, и когда он обратился к стоявшим поблизости, как бы ища поддержки, то каждый отворачивался и уходил, выказывая отсутствие общественного чувства теми равнодушием и боязливою осторожностью вступить в защиту ближнего, которые так часто проявляются при разных публичных случаях насилия и обиды слабого человека, несравненно более возмутительных, чем только что рассказанный.

Но любопытная черточка, и характерная

черточка, присущая, как кажется, специально славянской натуре: многие из этих же самых людей, равнодушно отворачивавшихся, когда к ним обращались за поддержкой, по окончании этой «истории», возвратившись в вагон, хвалили вступившегося господина, находя образ действия его похвальным, громко бранили железнодорожные порядки и менее громко прохаживались насчет порядков «вообще». Но, случись с этим самым господином какая-нибудь неприятность за его «похвальное» вмешательство, можно держать пари сто против одного, что ни один из этих сочувствующих не пошевелил бы пальцем. В этом самом обыкновенном дорожном происшествии, как в малой капле воды, отразились общий характер и склад русского культурного человека, объясняющие многие явления современной жизни. И чем далее вы удаляетесь из Петербурга, тем чаще приходится вам наблюдать подобные «истории», встречаясь с еще большим равнодушием и большею боязнью путаться не в свое «дело», но зато слушая иногда ламентации [21] случайных спутников, несравненно более экспансивные и менее

осторожные, чем те, которые приходится слышать среди пассажиров Николаевской дороги [22], особенно среди петербуржцев, привыкших путешествовать с молчаливою сдержанностью и тою, чисто чиновничьею, брезгливостью в дорожных знакомствах, благодаря которым можно сразу отличить кровного петербуржца не по одному только бескровному лицу и кургузому пиджаку, обтянутым штанам и ботинкам с китайскими носками.

По мере удаления из Петербурга на восток увеличиваются в прямой пропорции и различные путевые неудобства и неожиданные приключения, и чувствуется все большая и большая потребность в терпении и персидском порошке. Путешествие принимает все более и более патриархальный характер, несколько напоминая путешествие по девственным странам. Поезда двигаются медленнее и опаздывают чаще; часы отхода и прибытия пароходов находятся в большей связи с вдохновением и с милостью господней, чем с печатным расписанием. Поездная прислуга теряет свой столичный вид, казарменную вежливость и расторопность, прини-

мая все более и более облик «мальчика без штанов» и обдeldывая с меньшей опаской свои маленькие гешефтики. Пароходные капитаны, в большинстве случаев попадающие в моряки по воле судеб и неокончания нигде курса, имеют вид добрых малых, старающихся задобрить гостей-пассажиров (разумеется, классных).

Приноравливаясь к местным нравам, они всегда готовы «закусить и выпить» с тем или другим охотником-пассажиром, чтобы скоротать однообразие плавания, и не прочь в часы вдохновения устроить иногда импровизированную гонку с каким-нибудь пароходом другой компании, к ужасу всех трезвых пассажиров (ведут, собственно говоря, пароход лоцманы; на долю капитана выпадает, главным образом, представительство и выпивка). Все чаще и чаще мелькают на головах чиновничьи фуражки с кокардой, заменяя собой шляпы и котелки. Чем больше вы подвигаетесь, тем более убеждаетесь, что гоголевские персонажи еще не исчезли, и вам предстоит видеть всю их серию; но предпочтительно, однако, объявляются классические Держи-

морды [23], иногда не стесняющиеся даже и в публике показывать при случае «господам земледельцам» свои подчас страшные длани.

Наблюдая в натуре то, о чем у вас давно составилось лишь теоретическое представление, вы начинаете сознавать не одним только умом, но и всем существом своим, что этот маленький «исполнитель», крошечное звено в общей бесконечной цепи, с таким пренебрежением третируемый в столицах, где он мелькает изредка в передних в образе скромнейшего, безответнейшего ничтожества, где-нибудь в глухом месте действительно может иногда играть роль какого-то «фатума», от которого иной раз обывателю становится несколько тесно жить на божьем свете. Побеседовав с таким джентльменом в дороге по душе (русский человек любит подобные беседы за закуской), вы скоро сообразите, что от его доброй воли, ума и сообразительности непосредственно иной раз зависят спокойствие и благополучие многих человеческих жизней, и вам станут понятны все эти однообразные «обывательские» рассказы и анек-

доты, которыми обыкновенно коротаются долгие дни пароходного плавания, если не составилась винт [24].

В ответ на ваше замечание (если вы сделаете таковое), что закон, слава богу, существует не только для столиц, но и для всей империи, и что права жаловаться, по крайней мере, не лишен никто, вы по большей части сперва услышите веселые замечания насчет «кукушки и ястреба» [25] и затем резоны:

– Бесспорно, местное начальство сменит нерадивого подчиненного, если узнает, что он не оправдал доверия, но (без этих «но», как известно, у нас не кончается ни один разговор)... но, во-первых, «мужик» не всегда рискнет жаловаться, во-вторых, предположим, что пожаловался, и что жалобе дан ход – откуда, из какой Аркадии вы найдете другого «исполнителя», который бы «честно и благородно» исполнял свои начальственные функции? Обычный контингент – рассадник всех этих «мелких сошек», имеющих непосредственное отношение к мужику – представляет весьма ограниченный выбор (особенно в провинции), смущающий даже нередко самих выби-

рающих. Увы, и они жалуются в пустое пространство на недостаток людей, которые бы умели исполнить волю пославшего с чувством, с толком, с расстановкой и, получая в год шестьсот рублей, не старались бы прожить втрое.

Эти столь знакомые и надоевшие жалобы на недостаток людей увеличиваются к востоку с таким «crescendo», что вам начинает казаться, что чем дальше, тем реже будет попадаться «человек» и наконец, чего доброго, совсем исчезнет из обращения. Все будто сговорились. Везде, начиная со столиц и кончая захолустьями, теперь ищут «человека», ищут и, к удивлению, не всегда находят, словно бы и в самом деле он провалился куда-то в преисподнюю и не подает голоса, несмотря ни на какие призывы передовых статей, выкрикивающих: «объявись, человек!»

Было бы несправедливостью утверждать, что словоохотливый обыватель претендует лишь на недостаток одного какого-нибудь специального «вида» человека. При случае он не менее костит и своего избранника-земца и городского представителя, причем чаще все-

го жалуется не на учреждения, не на самый принцип, а на его применение. И сейчас же, в подтверждение, расскажет, как такой-то голова в таком-то захолустном городе «слопал» городскую землю, такой-то член «всучил» городу свой развалившийся дом, там «потревожили» банк и пр. и пр., – словом, повторит одну из тех бесчисленных историй, часть которых попадает на газетные столбцы в кратком извлечении: «украли», «разграбили».

С изменением долготы изменяются и типы «купца», «купеческого сына» и героя новейшего времени – кулака, являясь все более и более в натуральном виде, без того столичного соуса, который придает им некоторый лоск и своеобразную повадку. Вы встретите больше «откровенности», большую примитивность в приемах и костюме. И грабят, и безобразничают, и пьянствуют, так сказать, нараспашку, еще не просветясь насчет «святости» капиталистического строя и не всегда вводя в обиход разговор «жалких» слов об «основах» и т.п., а просто «рвут», где можно, и делу конец. «Пассажир» вообще встречается все более и более невзыскательный, покладистый

и любопытный, первым делом осведомляющийся: «кто вы такие будете?» и расспрашивающий о Петербурге с некоторым чувством страха и благоговения, что однако не мешает питать к нему и долю недоброжелательства за то, что он слишком много сочиняет бумаг, а не знает совсем провинции и относится к ней свысока. И «дама» попадает не та, какую вы видели до Москвы и первое время за Москвой. Общий вид другой. Лица более рыхлые, румяные, сонные и «уравновешенные». Знакомый вам «нервный» тип русской интеллигентной женщины, к которому привык глаз в Петербурге, в дороге попадает все реже и реже, заменяясь пестрыми костюмами и разбитными, с претензиями на светскость, манерами провинциальных «чиновниц», цивилизованных купеческих дочек, или ветхозаветными платками молчаливых и степенных купчих «старого обычая», выскочивших как будто на палубу парохода прямо из пьес Островского. Дамские беседы все более и более принимают характер допроса, сплетни и кулинарных откровений, так что, проведя час-другой в разговоре с одной из таких дам,

вы не только будете основательно допрошены о ваших родных до четвертого колена, но, в свою очередь, будете посвящены в «подноготную» родного «гнезда» рассказчицы и научитесь готовить соленья и маринады из разных ягод, обилием которых в Сибири вас утешает прекрасный пол. «Урядник» встречается более чумазый и юркости в нем как будто меньше, а «полицейский» на пристанях и совсем с виду богом обиженный. Пассажир-мужик теряет тот столичный, ернический вид, который замечен в возвращающихся домой питерцах, и за Москвой «сереет». С Нижнего [26] вы уже встречаетесь с массой переселенцев, направляющихся из разных концов России на привольные земли места далекого края, а из Тюмени плывете, имея на буксире арестантскую баржу, в которой сжата партия человек в семьсот будущих невольных жителей отдаленных и не столь отдаленных мест Сибири, плывущих на каторгу, поселение или в административную ссылку.

«Варнак», как называют ссыльных сибиряки, не оставляет уже вас ни на минуту, как

только вы перевалили Урал. О нем говорят ямщики, его презирают и боятся, им наполнены уголовные летописи сибирских газет, вы его видите пробирающимся около большого тракта. И вы невольно запасетесь револьвером где-нибудь в попутном городе, если только не запаслись им раньше. Но только едва ли придется им воспользоваться. Не так страшен «варнак», как о нем говорят и как впоследствии узнает читатель из дальнейших очерков путешествия.

Более или менее основательное знакомство с пыткой езды по убийственным мостовым, нечистоплотностью гостиниц и железнодорожных станций, не особенно приятно ласкающими обоняние ароматами грязных улиц (так называемый путешественниками-иностранцами «русский дух»), и вообще с теми патриархальными картинками нравов и порядков, которые придают известный «*couleur local*» [27] отечественной самобытности, начинается уже с самого «сердца России».

Голова ее – Петербург – недаром «тонкая штучка» в глазах провинции. Он более ловок и хитер, к тому же и более на виду у Европы, перед которой, что там ни говори «патриоты своего отечества», а все же нет-нет да и станет вдруг совестно. И он умеет под наружным лоском чистоты и порядка скрыть от глаз свои недочеты и санитарные непристойности и показать товар лицом, встречая путешественника красивыми вокзалами, Невским проспектом и электрическим освещением, сравнительно чистыми гостиницами и

молодцеватыми блюстителями порядка, так что, по сравнению с другими русскими городами, он кажется как будто и опрятным.

Матушка Москва откровеннее. Она и с казовых своих сторон, обыкновенно кидающихся в глаза приезжему, не блещет чистотой, а принимает вас, так сказать, в халате, словно бы говоря: «Вот тут я вся. Любите меня такую, какова есть, со всею моею грязью и вонью!» И первый «вестник» цивилизации, являющийся встречать русского пассажира, уже не «тот», «дрессированный» и вылощенный, что в Петербурге. И костюм на нем сидит как-то более «по-штатски», и мундирчик грязнее, и сам он не имеет петербургской внушительности и проницательности. Он добродушнее с виду, проще как-то наблюдает за порядком и не так назойливо лезет в глаза. Извозчикам, с жестянками набрасывающимся на пассажиров, точно стая собак, готовая разорвать в клочки, он внушает менее страха и обходится пяточком дешевле, хотя и водворяет между ними порядок теми же упрощенными домашними способами, что и петербургские его коллеги, т.е. поминанием родственников и, в слу-

чае безуспешности этого средства, битьем пашками плашмя по всем частям тела улепечывающего извозчика, но предпочтительно однако по «загривку».

Эти первые жанровые картинки, встречаемые путешественником, лишь только он придет в русский город, где водится много извозчиков, отличаются от таковых же в Петербурге, разумеется, большею нестесняемостью и меньшею раздражительностью на нарушителей порядка со стороны его наглядных пропагандистов. На петербургских вокзалах и других местах скопления извозчиков «фараон», наметив чересчур строптивного нарушителя, старается вразумить его без большого скандала, не устраивая публичного зрелища, а по возможности незаметно и озираясь по сторонам, нет ли поблизости начальства, рекомендуя вежливое обхождение, и при этом пользуется, натурально, краткостью момента с возможно большею затратой энергии внушения, а в Москве и далее – ругань и «лупцовка» господ извозчиков отправляется с меньшим стеснением, но зато и с меньшим остережением и как бы более для соблюдения слу-

жебного престижа и порядка «an und für sich» [28], чтобы в самом деле не подумали, что в провинции ни за чем не смотрят. Зато у московских вокзалов вы услышите самый изысканный подбор и неистощимые вариации крепких слов, а нередко зрелища более продолжительных битв. Никто, разумеется, не удивляется. Всякий привык к этим сценам «самоуправления» и только норовит скорее убраться из-под оглушительного града непечатных слов.

Когда, на другой день после суток отдыха в «первопрестольной», экипаж из номеров Ечкина [29], несколько смело названный артельщиком каретой, подвез нас, после часовой «встряски» по всей Москве, к вокзалу Нижегородской железной дороги [30] и мы вошли в вокзал, то московское дезабилье выказалось во всей своей непривлекательной наготе.

В небольшом пространстве, где расположены кассы и принимается багаж, была теснота и грязь; стоял удушливый, спертый воздух. Мужики дожидались, кто сидя на полу, кто теснясь у стен, а целые кучки и вне станции.

В пассажирской зале, где дожидался пассажир почище, давка была тоже порядочная.

Пассажиры сидели чуть ли не один на другом. На столах – пыль и грязь; скатерти несомнительной нечистоты, прислуга, хотя и во фраках, но, в видах эстетического чувства, было бы лучше не видеть этих фраков, чтобы не иметь наглядного понятия о количестве содержимого в них и на них сала.

Оказалось, что этот тесный вокзал вдобавок еще ремонтируется (и, по обыкновению, ремонтируется в самый разгар пассажирского движения), и потому «несколько как будто и тесновато», по словам сторожа. Таким образом «пассажиру» остается изнывать в духоте и грязи в ожидании отправления. И он, этот собирательный «пассажир», изнывает с тем мрачным, молчаливым видом, с которым вообще изнывает трезвая русская публика во всех публичных местах, не претендуя ни на кого, кроме лакеев, и как будто не замечая, что с ним, с пассажиром, обходятся совсем по-свински, словно бы привычка к подобному обхождению обратилась у него во вторую натуру.

Разумеется, все эти дорожные беспорядки,

вся эта станционная грязь – мелочи не только в сравнении с вечностью, но и в сравнении с другими, менее отвлеченными представлениями, но дело в том, что подобные «мелочи», находящиеся под носом и на которые со стороны мало обращают внимания, нередко отравляют не одно только путешествие, но и жизнь вообще. И отношение к этим «мелочам», с другой стороны, именно оттеняет отличительные стороны нашего характера и склада. Ведь совокупность всех этих мелочей и составляет обычную будничную жизнь русского человека.

Билеты взяты. Надо сдавать багаж. Но это, по-видимому, пустячное дело вовсе не так просто, как кажется с первого взгляда. По крайней мере я стоял минут с десять, вотще ожидая очереди, хотя она давно наступила, пока ко мне не подошел привезший нас артельщик из номеров Ечкина, бойкий, расторопный ярославец, не сделал мне нескольких таинственных знаков, подмигивая при этом плутоватым взглядом, и не сообщил конфиденциально, что нужно дать на чаек одному «человечку». Я, разумеется, не только обещал

«на чаек», но и поручил бойкому артельщику, хорошо знакомому с местными порядками, дальнейшие хлопоты по сдаче багажа (так как все сторожа уже были обременены подобными же комиссиями), и минуты через две после интимного шептания артельщика с «человечком» из багажного отделения вещи мои, давно находившиеся на очереди, – не соблюдаемой, конечно, – были взвешены.

– Полностью хотите платить? – опять шепнул мой чичероне деловым тоном.

– А то как же? – удивляюсь я.

– Можно за половину-с... ежели рублик дать. Очень просто-с... Многие так делают.

– Нет, нет! – запротестовал я.

Таинственный обмен взглядов. Выкрикивается настоящий вес и выкрикивающий взглядывает на меня, как на болвана, зря бросающего деньги. Я уплачиваю деньги за багаж, «мзду» за хлопоты и на чаек за то, что «места тяжелые», и удаляюсь в пассажирскую залу отыскивать своих спутников.

Минут через пять тот же самый артельщик подходит ко мне и снова таинственно подмигивает, словно бы предлагая принять

участие в какой-то новой конспирации.

– В чем дело?

Он на ухо шепчет насчет «местечка».

– Очень даже много сегодня пассажиров.

Как бы не затеснили! А вы с детьми! – поясняет он все тем же конфиденциальным тоном. – Надо-с исхлопотать... Я могу, если угодно.

– Как же исхлопотать?

– А как другие-прочие... Теперь, ежели дать, примерно, двугривенный сторожу у дверей, он пропустит на «платформу», а там уж надо обладать с «обером»... На этом поезде «загребистый» обер едет.

Такие же интимные беседы идут в зале и у других пассажиров с носильщиками. Вы видите, как тихонько выносят они вещи и как минут за пятнадцать до первого звонка, когда еще двери на платформу считаются закрытыми и публику туда официально не пускают, пассажирская зала понемногу пустеет, и «пассажир», более знакомый с местными обычаями, один за другим исчезает, пробираясь с видом конспиратора разными окольными путями на платформу, в сопровождении станционного проводника. Иногда проходят прямо и

в дверь. Сторож, добродушный «мальчик без штанов», лет под шестьдесят, оберегающий двери от публики, обменявшись таинственным знаком с проводником, как-то быстро и ловко приотворяет двери, в которые на глазах у публики прошмыгивает счастливец, и снова так же быстро и ловко запирает их, утешая недовольных из публики объяснением, что он пропустил «генерала», или заверяя, что «это наш служащий», и кстати, по русскому обыкновению, жалуясь на тяжесть своей обязанности сторожить двери, в которые всякому лестно шмыгнуть.

Мой опытный чичероне, удивленный отказом следовать за ним, все-таки убедил меня отдать ему несколько саквояжей и исчез, обещая «исхлопотать» места. Когда раздался первый звонок и пассажиры хлынули на платформу, толпясь в одних дверях, я пробрался вперед и, не рассчитывая на успех ярославца, пошел отыскивать места. Увы! Все вагоны второго класса уже были полны если не людьми, то вещами, и напрасно я носился из вагона в вагон, отыскивая места. Но благодетель-ярославец выручил. Он встретил меня,

смущенного, и, объяснив, что давно занял места, с победоносным видом провел меня в отдельное некурильное отделение.

– Пожалуйста... как раз шесть мест... насилу исхлопотал... Спасибо оберу.пустил! – докладывал он все тем же конфиденциальным шепотом.

Тут как-то кстати появляется и сам «обер». Он совсем не столичного вида толстенный, сытый, старенький «обер», в потертом сюртуке и белой фуражке. Он приветливо улыбается с видом радушного хозяина. На круглом выбритом лице его так и сквозят добродушие и плутоватость, того и другого в достаточном количестве, когда он оглядывает меня быстрым взглядом опытного знатока людей и их имущества.

– До Нижнего изволите ехать? – осведомляется он, переглянувшись с чичероне, словно бы спрашивая: тот ли я пассажир, о котором хлопотал ярославец?

– До Нижнего.

– Вам тут будет поспокойнее с семейством в некурильном... Чуть было и его не заняли, да я не пустил! – значительно говорил он, по-

тупляя маленькие глазки, вроде старого «юса» из управы благочиния. [31]

И затем продолжает не без соболезнования:

– Жаль, раньше не предупредили, я бы вам устроил попросторнее отделеньице. Было одно свободное, да я туда поместил одного господина с женой. Им и здесь бы хорошо. А вот рядом так одна генеральша целое отделение заняла. Начальник станции посадил, – с неудовольствием прибавляет «обер» и уходит, не без галантности приложив два своих жирных пальца к козырьку фуражки.

Мы размещаемся и благодарим судьбу в образе артельщика и за эти места, а словоохотливый ярославец, помогая запихивать чемоданы, не без зависти в голосе продолжает рассказывать о доходах «обера».

– Вы, господин, ему больше рубля не давайте, потому у вас сколько билетов, столько и мест. Правильно, не то что как ежели с двумя билетами да этак с дюжину детей едет. А сакчик куда прикажете? Ему самое лучшее в ноги-с! – хлопотал наш чичероне, обливаясь потом. – Теперь вот он верных полсотни в один

конец слизнет.

– Как так?

– Потому здесь не порядки-с, а, можно сказать, много фальши! – возмущился вдруг ярославец, встряхивая головой. – Многие пассажиры без билетов ездят. Два рубля оберу дал и... очень просто-с. Недаром домик купил... Пять тысяч выложил. Очень доходная должность!

Наконец мы распихали вещи по местам, кое-как разместились и распрощались с нашим гением-хранителем. Вскоре поезд двинулся. На первой станции у открытого окна нашего вагона появилась пожилая, претенциозно одетая дама – генеральша-помещица, едущая на лето в свое имение, как поспешила она оповестить меня, восторгаясь моими детками, посылая им воздушные поцелуи и стараясь придать своему, заплывшему жирком, лицу то игриво-умильное выражение, которым обыкновенно стараются (и напрасно) тронуть детей.

Поддействовав на мои родительские чувства, генеральша считает себя вправе дать большую волю приливу праздного любопыт-

ства, т.е. спросить: далеко ли я еду, куда именно и зачем еду, и принялась жаловаться на этот «невозможный курс», помешавший ей ехать за границу, прибавляя к этому, уже по-французски и с серьезным видом, что «вообще нынче как-то все идет не так, как бы следовало». Ее дочь живет в Гиере [32]. Генеральша провела прошлую зиму у нее в Гиере. Какое прелестное место Гиер! И как недорого относительно можно устроиться в Гиере! Бывал ли я в Гиере? Она зимой опять поедет в Гиер... А муж ее служит в Москве, но теперь по делам службы в Петербурге. Старший сын в гвардии, а второй...

Свисток мешает дальнейшей ее болтовне, но на следующей станции, когда я выхожу покурить, она досказывает, что второй сын – товарищ прокурора и «хорошо идет», но что «бедному мальчику» слишком много работы со всеми этими... «нынешними делами».

И генеральша вздыхает, не то от жары, не то от сожаления к «бедному мальчику», не то от сокрушения из-за «нынешних дел» и имеет, по-видимому, твердое намерение сделать из меня тоже бедного страдальца, который

бы выслушивал ее болтовню, подавая по временам реплики. Но так как я затем ловко избегаю попадаться ей на глаза, избрав другое место для курения, а наши «прелестные детки» тоже остерегаются высовываться из окна во время остановок на бесчисленных маленьких станциях и полустанциях, чтобы не видеть ее умильного выражения и не слышать трогательного сюсюканья, то изнывающая от жары и скуки генеральша во время остановок донимает кондуктора вопросами: когда следующая станция, и отчего нет сельтерской воды?

Наконец и Петушки. Поезд стоит двадцать минут.

Проголодавшаяся публика бросилась из вагонов в буфет, наводнила сразу маленькую комнату пассажирской залы и набросилась на яства. За небольшим столом немногие успевают занять себе место. Пассажиров много, а помещения на вокзалах Нижегородской дороги крошечные, словно бы строители не рассчитывали на пассажиров. Мест не хватает. Теснота и шум. Всякий норовит пробраться к расставленным посредине стола яствам,

в надежде раздобыть себе съестного, теснясь и толкая друг друга. Лица принимают какие-то злые выражения голодных животных. Повар в чистом колпаке, но грязной куртке, едва успевает отпускать кушанья и резать осетрину, накладывая и приشلепывая куски ее грязными руками, нимало не стесняясь возбудить брезгливость и точно сознавая, что всякие церемонии излишни. Два лакея, обливаясь потом и соусом с тарелок и придерживая на ходу куски на тарелках мокрыми пальцами в нитяных перчатках, мечутся, как угорелые кошки, то сюда, то туда, не зная, на чей крик броситься, и не имея никакой физической возможности удовлетворить требованиям всех сидящих за столом. Они совсем ошалели, что помогает им обсчитывать и делать внезапно такие же невинно-удивленные лица, какие делают плохие актрисы в ролях ingénue [33], когда какой-нибудь аккуратный пассажир, подведя итог, находит большую разницу. Через пять минут все блюда опустошены, и повару нечего приشلепывать своими руками. Ни мяса, ни рыбы, ни пирожков! Всего было заготовлено, очевидно, мало, и все

было съедено. Шум и ругань на лакеев увеличиваются. Публика, неудовлетворенная в своих утробных потребностях, на этот раз склонна к выражению протеста.

– Это черт знает что такое! Невозможные порядки на этой дороге. Морят голодом!

Кто-то из пассажиров, побойчее и, вероятно, поголоднее, жалуется начальнику станции, смиренному и невозмутимому на вид господину с благообразным лицом, который тихо и как-то необыкновенно приветливо старается успокоить протестанта и вообще прекратить «неприятность».

– Буфетчик никак не рассчитывал, что будет столько пассажиров. Обыкновенно в это время ездит мало народа, и провизию хоть бросай. А время теплое... провизия портится, – говорил станционный дипломат, ловко отводя протестанта к бутербродам.

И протестант и другие неудовлетворенные набрасываются на бутерброды и «душат» водку. Начальник станции тем временем исчезает. Революция подавлена в самом начале.

Лоснящееся, озабоченное толстое лицо брова-буфетчика принимает выражение скор-

би. «Ах, если бы я знал, что столько народу... Ах, господи!.. Я, слава богу, понимаю и стараюсь заслужить перед публикой... Одной аренды триста рублей плачу. Мне же выгода!» – говорит он нежным тенорком, наливая рюмки и едва успевая принимать деньги и сдавать сдачу, несмотря на помощь сухопарой дамы, с зоркостью ястреба озирающей из-за стойки залу и преимущественно лакеев, получающих деньги.

Моя генеральша тоже недовольна. Она только что, жадно причмокивая, обсосала крылышко цыпленка, и глаза ее еще горели плотоядным огоньком, а тут лакей вдруг докладывает, что, кроме бульона, ничего больше нет.

– Как нет?

– Все вышло.

Она свирепеет. Заметив меня, она раздражается негодованием на главное общество российских железных дорог. Но я уклоняюсь от дальнейших излиятий и скрываюсь в толпе. Она уже утихла и идет к вагонам в мирном настроении.

Только в курительном вагоне, куда я пересел

на ночь, еще долго «скрипел» какой-то высохший и вылизанный господин в модном дорожном костюме, обращаясь к плотному своему соседу. Он, вообразите, не мог добиться осетрины! От осетрины дело скоро дошло и до других предметов. Сухопарый изливал уже желчь вообще на «провинцию» и ее бездеятельность. Он ехал из Петербурга, этот геморроидальный департаментский страдалец, ревизовать что-то и кстати попить кумыс, и все доказывал земцу-соседу, что провинция не прониклась идеями Петербурга. Он было начал излагать свои идеи, но излагал их с такою заунывною гладкостью хорошо написанного отношения, что я скоро заснул и проснулся, когда поезд подъезжал к Нижнему.

IV

Хотя кондуктор и объявил, что поезд пришел в Нижний, но вы сделаете большую оплошность, если, поверив ему на слово, вообразите, по выходе из вагона, что в самом деле находитесь в Нижнем. До Нижнего еще далеко. Предстоит свершить целое путешествие: сперва доехать до реки, переправиться на пароходе, снова сесть на извозчика, подняться версты две в гору, и только тогда вы будете в Нижнем. Можно, впрочем, и избежать последней пытки, т.е. не подниматься по скверной дороге в город, а приютиться до отхода парохода в одной из гостиниц, расположенных внизу, под горой. Вы не увидите, правда, города, зато пароходные «конторки» рукой подать, и, вдобавок, из окон гостиницы можете любоваться действительно красивым видом широкой, разлившейся реки – этой «поилицы и кормилицы» биржевых тузов, коммерсантов, парходчиков, грузовщиков, промышленников, комиссионеров – словом, кого хотите, за исключением лишь тех, кто дал ей такое ласковое прозвище в те давно

прошедшие времена, когда еще река действительно поила и кормила бежавший на Волгу народ.

Все эти путевые мытарства, особенно неудобные, если путешественник не догадается оставить тяжелый багаж на станции с тем, чтобы поручить прием его пароходу, на котором придется следовать далее, обязательны по случаю половодья. Река не вошла еще в свои берега, и наплавной мост не наведен. Нижний, щеголяющий миллионными оборотами своей ярмарки, до сих пор обходится без постоянного моста, хотя и давно говорят о нем, имея на совести немало несчастий с людьми во время переправ в бурную погоду, при ледоходе весной и в заморозки.

Разумеется, не эта причина заставляет представителей ярмарочного купечества мечтать о постоянном мосте, а другая, более могущественная и более им понятная, – интересы торговли. Подозревать их в альтруистических заботах было бы просто несправедливо. Жизнь людская и вообще-то не особенно ценится в нашем отечестве, и здесь, на Волге, можно наглядно убедиться в этом, пройдясь

по пристаням и наслушавшись общеизвестных, давно набивших оскомину рассказов о том, в какой грубой форме эксплуатируется ближний и, что еще ужаснее, не всегда понимающий (редко, по крайней мере), как он жалок и беспомощен, и почему именно беспомощен, несмотря на свои классические добродетели: нечеловеческую выносливость и терпение, граничащее подчас с покорностью животного.

Славное майское утро с теплым низовым ветерком действует оживляющим образом после бессонной ночи. Обгоняя пассажиров-пешеходов с котомками за плечами и возы с кладью, мы проезжаем среди невзрачных построек, мимо запертых лавок и амбаров мертвого Кунавина, и минут через двадцать достигаем берега, где стоит пароход с паромом и толпится народ.

У крутого, грязного спуска к парому – знакомая, родная картинка: телеги, возы, люди и лошади смешались в живописном беспорядке, напоминающем отчасти беспорядок военного обоза во время паники, при преследовании неприятеля, и на этом небольшом про-

странстве, где несет отчаянную воню не то от бочек с соленою рыбой, не то от сваленного тут же навоза, сосредоточивается главным образом тот стон ругани, который характеризует оживление бойких русских мест. Ругают друг друга и по-русски и по-татарски, ругают лошадей, ругают для красного словца и среди этой ругани занимают места на пароме. Вдруг движение остановилось. Взрыв приветствий по адресу родственников раздался со всех сторон. В чем дело? Оказалось, что упавший набок воз загородил дорогу.

Пока собираются поднять воз и, призывая всеу память родителей, рассуждают о причинах его падения, из ближнего кабака выбегает на место происшествия худенький, маленький, невзрачный блюститель благочиния в затрапезной униформе и с каким-то приливом злости, напоминающим освирепевшую собачонку, набрасывается на возчика и начинает его бить среди равнодушных зрителей этого обычного дарового спектакля, неизменно дающегося на всем протяжении русского царства. Высокий, здоровенный, скуластый татарин, который одним мановением

своей геркулесовской руки мог бы отогнать тщедушного бутаря [34], как докучливую муху, принимает порцию ударов с наскока и град брани, словно заслуженную им дань, без малейшего протеста и своею покорностью, казалось, только увеличивает прилив распорядительной злости маленького администратора. Ему, очевидно, хочется нанести более чувствительный удар, и он прицеливается, чтобы, по возможности, повредить обывательскую физиономию и пролить кровь, но в это время раздается, в свою очередь, непечатная брань по его адресу со стороны какого-то подъехавшего господина в фуражке с кокардой, и сцена прекращается. Маленький полисмен начинает водворять порядок, то есть бесцельно суетиться около воза, но, сообразив, вероятно, что пользы от его присутствия нет никакой, исчезает в питейном доме с тою же внезапностью, с какой и появился. Атлет-татарин сконфуженно поднял свалившуюся наземь вислоухую свою шапку и, прежде чем двинуть воз, хлещет по морде свою лошадь при ироническом смехе толпы. Наконец движение возобновилось. Паром быстро за-

полняется телегами, возами и экипажами.

– Всегда у вас так? – спрашиваю я извозчика.

– Еще хуже бывает! – отвечает возница и не без важности прибавляет: – Провинция! Ну и народ тоже... особенно татарва.

Раздается свисток с парохода. Ругань сосредоточивается теперь на пароме. У парохода редет толпа. Другой свисток, третий. Пароход отваливает и, прибавив ходу, с тихим шумом колес пересекает реку.

– Каков городок?! Какова Волга-красавица? – раздается на мостике, в группе пассажиров, восторженный возглас дамского ватерпруфа [35].

И действительно, расположенный на горе, среди куп молодой яркой зелени, сверкающий на солнце золотистыми маковками своих церквей, Нижний с реки живописен и кажется чистым, красивым городком, обещающая издали, по обыкновению отечественных мест, несравненно более того, что дает в действительности.

И хваленая наша Волга, хотя и не красавица, а недурна, особенно теперь, в разливе. За-

то она разочарует ожидавшего увидеть бойкую реку, оживленную движением, со снующими пароходами, с массой караванов барок. Ничего этого нет. Река почти пуста и не производит впечатления бойкого речного тракта. Чтобы видеть жизнь на реке в полном проявлении, надо, говорят, быть здесь во время ярмарки или спуститься к Астрахани. Во время ярмарки быть в Нижнем мне не доводилось, но в Астрахани я бывал. Оживление там порядочное, судов много, но это оживление покажется ничтожным тому, кто видал жизнь на бойких европейских реках. Я уже не говорю про Темзу, эту царицу рек по торговому движению, где на пространстве между Гревендом и Лондоном пароход все время идет между двумя рядами тесно стоящих судов всевозможных форм и конструкций, среди движущихся на буксирах громадных кораблей и маленьких пароходов, снующих, как бешеные, по всем направлениям, и наконец вступает в непроходимый, как кажется, лес мачт среди внушительного гула напряженной жизни великого города торговли. И это непрерывающееся движение, и этот ряд кораблей без кон-

ца подавляют вас: чувствуя, с каким колоссальным размахом идет здесь жизнь, вы испытываете какой-то страх за личность человека, поражаясь в то же время величиим его коллективного труда, и если, глядя на эту картину торговой напряженности, на эти чудовищные доки, ряд пристаней со всевозможными приспособлениями, на эти массы плывущих товаров, вспомнить вдруг о наших бойких местах, то они покажутся вам жалкою пародией, какою-то пустынною Сахарой по сравнению с тем, что вы видите.

Наш пароход пристает к пристани, вернее, к полуразвалившейся барке, обращенной в пристань. Опять такой же узкий и грязный подъем, снова те же сцены толкотни и беспорядка, тот же стон ругани, – словом, все то, что вы только что видели на том берегу, с прибавлением партии нищих, поджидавших сердобольных людей.

Коммерческая гостиница близехонька, тут же на берегу. Отправляемся туда. Грязная лестница с претензиями на щеголеватость, спертый воздух в коридоре и тот же классический коридорный, с грязною салфеткой в ру-

ках, который встречал и Павла Ивановича Чичикова [36]. Зато комнаты получше и почище, есть электрические звонки, но воздух в номерах, надо полагать, не особенно изменился с тех пор. Скорее окна настежь. Струи свежего воздуха врываются в комнаты. Из окон чудный вид на Волгу.

Оказывается, что пароход в Пермь отходит утром, на следующий день, но когда отходят пароходы из Тюмени, об этом в гостинице узнать нельзя, расписаний сибирских рейсов не имеется. Надо ехать к пристаням, там получить необходимые сведения и кстати запастись билетами на места до Перми.

Пароходные конторки расположены по берегу, одна за другой, в недалеком расстоянии друг от друга. Подальше от других, словно бы избегая близкого соседства, стоит конторка пароходства фирмы Курбатова и Игнатова. Их пароходы ходят между Нижним и Пермью, и их же пароходы плавают по сибирским рекам между Тюменью и Томском. Кроме добровольных туристов, названная фирма, по контракту с правительством, специально перевозит и невольных путешественников в дале-

кие края. Каждый рейс, с открытием навигации, курбатовский пароход ведет за собой специально приспособленную для узников большую арестантскую баржу, обыкновенно битком набитую. В ней, выражаясь казенным языком, «следует» иногда партия человек в семьсот. Тут и будущие жильцы каторги, и поселенцы, и ссыльные, и арестанты из привилегированных, неосторожно попавшие в объятия прокуроров, герои банков, жрецы хищений и, наконец, так называемые «политические», ссылаемые и по суду и административным порядком. Последние, равно как и арестанты из привилегированных, отделены от других.

Цена на курбатовских пароходах между Нижним и Пермью значительно ниже цен на легких пассажирских пароходах, совершающих свои рейсы без плавучего «мертвого дома» [37] сзади, но большинство классных пассажиров, по крайней мере не имеющих особенной причины быть близко от арестантской баржи, предпочитают, разумеется, легкие пароходы. Они и ходят скорей, и не отравляют путешествия созерцанием этого мрач-

ного спутника и подчас тяжелых сцен. Зато при путешествии по сибирским рекам выбора нет. Только курбатовские пароходы содержат более или менее правильное пассажирское сообщение по рекам Западной Сибири, и, следовательно, вам обязательно придется плыть целых десять дней неразлучно с плавучею тюрьмой сзади и видеть иногда близко невольных путешественников во время остановок на некоторых пристанях, когда баржа становится борт о борт с пароходом.

Об этом, впрочем, после, а теперь нам предстоит попасть на «конторку», против которой остановился извозчик. Это вовсе не легкое дело, и, чтобы свершить его, необходимо вооружиться немалою решительностью, рискуя при этом принять холодную ванну, ради приятных глаз гг. Игнатова и Курбатова. Сходня, положенная от берега к конторке (причем расстояние между ними было довольно значительное по случаю половодья), представляла собой весьма двусмысленный и едва ли где употребляемый, кроме отечества и еще более диких стран, путь сообщения, особенно для человека, не наострившегося

ходить по двум узким доскам, перекинутым над рекой на изрядной высоте, без каких бы то ни было перил и вдобавок еще при порывистом ветре, дувшем сбоку.

Я остановился в нерешительности, предпочитая вызвать с конторки саму фирму, в лице гг. Курбатова и Игнатова, и посмотреть, как она пойдет по воздушным мосткам. Увы, голос мой был таким же безнадежно вопиющим, каким бывает голос русского обывателя, подвергнувшегося ночному нападению в провинциальном городке. Никто не откликнулся. Ни один из представителей фирмы не показывался. Делать было нечего. Сообразив, что в худшем случае мне предстоит лишь риск купанья, я двинулся решительно вперед по изгибавшимся под ногами доскам и благополучно добрался до конторки.

Там никого не было, кроме сладко спавшего сторожа.

– Неужели у вас нет получше сходни? – спросил я этого единственного представителя пароходной администрации, когда он окончательно проснулся и, присев на лавку, не совсем ласково взирал на виновника своего

пробуждения.

– Зачем нет? Есть!

– Так отчего ж вы не кладете ее?

– Кладем, когда нужно.

– А когда нужно?

– Когда пароход отходит, тогда и кладем!

– А в остальные дни можно падать в Волгу?

Этот вопрос приводит сторожа в веселое настроение. Он усмехнулся и, оживляясь, заметил:

– Мы привычные, а из чистой публики редко-редко кто ходит сюда. Оно точно, что можно выкупаться (и опять на его добродушном лице играет улыбка). Доска положена узкая. Долго ли до греха? Я докладывал Кузьме Митричу, доверенному. «Ничего, – говорит. – Зачем хорошую сходню портить?» Да вам что требуется?

Я объяснил, что требуется, и сторож указал мне пальцем на расписание. Оказалось, что тюменский пароход отходит в ночь с воскресенья на понедельник.

– Отчего такой поздний час отхода?

– А это уж не наше дело. Такое, значит, по-

ложение.

– И отсюда ваши пароходы уходят по ночам?

– И отсюда по ночам. Сегодня на рассвете вот побежал пароход с арестантскою баржой. А вы, видно, на нашем пароходе хотели ехать? Так раньше недели опять не побежит! Вы лучше на легком. Завтра... И час не ночной, настоящий час, не то что у нас. Всю ночь вот не спал!

Хотя он раньше и объявил, что не знает, почему курбатовские пароходы отходят в такие таинственные часы, но, разговорившись, не замедлил сообщить свое мнение по этому поводу, а именно что всему «причина арестантская баржа». По ночам удобнее проводить «такого пассажира», народ известно какой. Чего его среди бела дня всем показывать? И для вольного пассажира меньше беспокойства: он и не увидит, как приведут, рассадят, замкнут голубчика и гайда! Опять же и любопытных нет. Кому ночью-то охота глядеть?

– А партия сегодня большущая была. Один генерал в ней был! – значительно прибавил

словоохотливый сторож.

– Какой генерал?

– Настоящий, из Питера... Запомню, как звать-то его... В Сибирь засудили! Сказывали, будто за то, что какую-то банку неправильно ограбил. Только, поди, врут. Нешто за это генерала пошлют в Сибирь? Верно, за что-нибудь другое.

Я заметил, что за это иногда посылают.

– Бог его знает! – недоверчиво покачал головой сторож, закуривая папироску. – Сказывали, важный был прежде генерал... Старый такой, престарелый и одет в хорошую одежду. Ему и каютку отдельную отвели на барже. Сиди, мол, не тужи... и всякой провизии и вина с ним взято. Деньги-то, видно, припрятаны. А следом за ним барышня молодая приехала с нянькой... Дочь евойная. Такая молоденькая, из себя аккуратная, только худа больно. Плачет, бедная, слезки так и текут, как стала проситься, чтобы пустили с ним на барже... Одначе не пустили. Так это она на пароход. Отдельную себе каюту в первом классе взяла с нянькой. Я вещи ей носил. Вещей много, и все фасонистые такие чемоданчики да ящички, и

пахнут духом каким-то. Только принес это я последние вещи, она дает мне рубль, а сама так и заливается. «Бог милостив, говорю, сударыня, а сокрушаться грех. Иногда, говорю, и безвинно люди терпят!» Она это взглянула на меня сквозь слезы ласково так, кротко, словно малое дитя, а сама вся дрожит. «Премного, говорит, благодарна за ваши слова, – и ручку протянула, – но только не в пример было бы мне легче, ежели бы папенька безвинно принял крест!» Проворковала это она и ничком в подушку! Только головка вздрагивает. Тут нянька махнула сердито рукой на меня, чтобы уходил. Потом выбежала за водой и на ходу говорит: «Это ты, сиволапый, барышню так расстроил!» А я что? Пожалел только.

Он помолчал, сделал несколько затяжек и прибавил:

– Нянька после сказывала, что они с барышней-то этой издалека приехали. В чужой земле где-то были по той причине, что у барышни какая-то болезнь в груди. Так, значит, пользовалась теплом. Она, видишь ли, и не знала, что отец-то набедокурил, скрывали от нее, а как узнала, запросилась к отцу. Отец не

допустил сперва, чтобы она ехала домой. Так она самовольно. В Москве отца-то и встретила. Да. У него и другие дочки есть, но только не такие жалостливые, как эта, меньшенькая. Нянька сказывала, что на редкость барышня. Отца-то своего, небось, пожалела! – одобрительно заключил сторож.

– Давно вы здесь сторожем?

– Я-то? Второе лето. Да ну их совсем... Уйду! – неожиданно проговорил он с сердцем. – Одна тут неприятность.

– Место худое?

– Место ничего бы, если б не эти проклятые арестанты. Тут, братец ты мой, всего насмотришься. Лучше бы и не видеть. Особенно когда это бабы да дети провожают. Рев идет. Ну и ежели опять об этих самых арестантах подумать...

Он махнул рукой и умолк.

Я собрался уходить. Добрый человек предложил было проводить меня обратно, но я уже с меньшим страхом смотрел на обратное путешествие и отправился один, посоветовав сторожу еще раз доложить «Кузьме Митричу», что если он прикажет положить хоро-

шую сходную, то избавит фирму гг. Курбатова и Игнатова от многих лишних проклятий.

– Им что... не им ходить. Известно, хозяева! – проговорил вслед сторож.

Конторка пермского пароходства, к которой подвез меня извозчик, оказалась легко доступною. Тут же стоял пароход, готовящийся к рейсу. Его мыли и чистили. Капитан, любезно показывавший мне его, с гостинодворскою бойкостью, обычной на Волге, выхвалял всевозможные удобства своего парохода и, перечисляя ряд предстоящих наслаждений, старался дать понять, что умеет при случае говорить более или менее высоким слогом.

Мой несколько прозаический вопрос относительно персидского порошка, казалось, озадачил этого щеголяющего обращением, толстого, мякотелого и сияющего здоровьем молодого человека. Он только что, между прочим, «кстати» рассказал, какие все хорошие пассажиры были у него в последнем рейсе (генерал, два исправника и несколько богатых купцов с женами) и как они все даже жалели, что доехали до места назначения, а его вдруг спрашивают о таком низком предмете.

Выражение презрительного изумления и чего-то юпитерского засветилось в маленьких, заплывших глазках капитана, сменив любезную улыбку, не сходявшую до моего злополучного вопроса с его сочных уст, и, вероятно, единственно из снисхождения к невежеству пассажира, вдобавок пассажира, собирающегося занять шесть мест, он не сразил его гордым молчанием, а отвечал не без достоинства оскорбленного величия, что «неприличный зверь», на которого я намекаю, анахронизм, по крайней мере у них на пароходах (за пароходы других хозяев он не отвечает), и что пароходная администрация, в заботах о пассажирах, не упускает из вида никаких мелочей и щедро посыпает персидским порошком каюты после каждого рейса.

– Позволительно думать, вы никогда не изволили свершать экскурсий на наших пароходах? – заключил он вопросом.

– Не свершал.

– Это и видно! – проговорил капитан, взглядывая на меня с сожалением, как на несчастного человека, до сих пор не испытавшего такого удовольствия. – Зато теперь уви-

дите! – торжественно закончил он, пропуская меня в одну из семейных кают второго класса.

Грязь, которую я увидел, и вонь, которую обонял, по-видимому, показались чрезмерными даже и почтенному капитану волжского парохода, и он поспешил заметить:

– Каюты еще не совсем приведены в порядок и потому не производят надлежащего впечатления, но к завтрашнему дню вы их не узнаете, могу вас уверить!

Он, конечно, уверил меня, как уверил бы и вас, если бы вы спешили ехать, чтобы попасть к тюменскому пароходу, и потому я послушно отправился в агентство брать билеты до Перми.

– В котором часу отходит пароход?

– В одиннадцать! – отвечал капитан без малейшей запинки и так решительно, что даже агент, выдававший мне билеты, как-то стыдливо опустил глаза. – Насчет, отвалов мы аккуратны-с, как английский хронометр! Другие пароходы запаздывают, но мы не придерживаемся таких правил! – не без игривости прибавил капитан, придерживающийся, как

оказалось, дурного правила врать пассажиру по вдохновению и решительно без всякой необходимости. – Ровно в одиннадцать! – повторил капитан, раскланиваясь не без грации.

– Быть может, разве что задержит на полчаса! – проговорил мне вслед стыдливый агент.

Ну, разумеется, «ровно в одиннадцать» наш пароход не только не отправился по назначению, а его даже и не было у пристани. Он ушел на тот берег за пассажирами с железной дороги, почему-то замешкался (хотя поезд приходит в 8 часов утра) и еще не возвращался. Пассажиры «этого берега», собравшиеся на конторке, терпеливо поджидали парохода; очевидно, более знакомые с волжскими «нравами», они считали подобное запаздывание обычным явлением. Часом раньше, часом позже... не все ли равно?

Вместо одиннадцати пароход наш наконец отвалил в исходе первого. Палуба парохода была набита пассажирами, которым представлялось полное право изображать собой сельдей в бочонке. Большинство такого «жи-

вого груза» составляли крестьянские семьи со множеством детей. Это все переселенцы, направлявшиеся с разных безземельных мест России на «вольные места» Сибири, преимущественно в южные округа Томской губернии и (незначительная часть) на Амур.

С этого дня мы уже не переставали видеть переселенцев. Проехавши с ними до Перми, видели их целые вагоны по Уральской железной дороге, обгоняли их между Екатеринбургом и Тюменью, плыли вместе девять дней до Томска и на пути обогнали два парохода с баржами, специально нанятыми переселенцами. Это усиливающееся в последние годы движение в страны ссылки начинается с открытия навигации и заканчивается осенью. Двигаются партии до Тюмени предпочтительно водяным путем. [38]

Труден и скорбен бывает иногда долгий путь этих будущих колонизаторов Сибири, хотя они и пробираются не по каким-нибудь лесным дебрям или непроходимым пустыням, а передвигаются цивилизованным способом – на пароходах и баржах, на глазах у публики, иногда даже на глазах у петербург-

ских сановников, отправляющихся из столицы вносить мир и цивилизацию в классическую страну пустопорожних мест, взятки и бесправия. Прежде чем добраться переселенцам до этого самого «пустопорожнего места», ради которого они отправляются в неведомый край, бросая свои насиженные гнезда, им предстоит перенести немало серьезных невзгод и лишений. Целые толпы народа по нескольку дней стоят лагерем под городами в ожидании парохода, не зная, куда двинуться. Тиф нередко косит этих людей.

Даже и днем, когда человек относительно легче переносит неудобство прессования, теснота помещения палубных пассажиров бросается в глаза и могла бы смутить иностранца, не знающего нашей поговорки, что в тесноте люди живут. На обоих пароходах, на которых довелось мне плыть (на пермском и сибирском), на небольшом пространстве, остающемся свободным между рубкой, вторым классом, складом дров, дымовою трубой, машиной и бортами, было скучено множество людей, в том числе женщин и детей, без всякого соображения о праве пассажира хотя на некоторую свободу движения (без преувеличения люди сидели один на другом) и, разумеется, без каких бы то ни было приспособлений, намекающих на удобства, исключая, впрочем, покрышки на корме, защищающей от дождя, если только он не хлещет наискось. Из пароходов, плавающих по Волге, только на американских пароходах немца Зевеке да на пароходах общества «Кавказ и Меркурий» существуют приличные помещения для палуб-

ных пассажиров, в виде удобных крытых нар для каждого пассажира. На остальных таким пассажирам предоставляются лишь узенькие скамейки по бортам и проходы на палубе. Скамейки обыкновенно занимают пассажиром «почище», а в распоряжении «серых» остаются проходы, разные закоулки и свободные пространства под скамьями. Затем классных пассажиров берут обыкновенно по числу имеющихся на пароходе мест, а палубных, и особенно переселенцев, – «сколько влезет», и так как кулачество пароходчиков ничем не отличается от самого первобытного и варварского, то, по их мнению, «влезть» может народу много. По закону, разумеется, должно быть определено, сколько может «влезать» на каждый пароход для безопасности его плавания и для удобства пассажиров, и такой список, за подписью надлежащих лиц, должен находиться на каждом пароходе, но даются ли такие удостоверения, я не знаю, а что закон не соблюдается пароходчиками и что за этим никто не смотрит – это факт общеизвестный. Берут на пароходы гораздо более, чем «влезет».

Ночью палуба такого парохода представляет воистину жалкий вид. Вповалку, тесными рядами, имея на руках детей, валяются эти «пассажиры» нередко хуже собак, и страшно проходить в это время по палубе, так как в темноте легко наступить на человека и отдавить ручонку спящего ребенка. При ночных остановках для приема дров людям, валяющимся на палубе, приходится убираться, чтобы не быть раздавленными или ушибленными; днем не позволяют загромождать проходов и заставляют убирать подстилки, служащие постелями, проникаясь заботами о «чистоте и порядке», особенно в том случае, когда, на беду, в числе пассажиров находится какая-нибудь «особа». В заботах об удобствах особы, пароходная администрация старается «очистить» возможно большее пространство вокруг рубки первого класса, и тогда палубного пассажира сбивают совсем в невозможную кучу на корму, подальше от «большого света».

Долгий сухопутный путь в санитарном отношении оказывается удобнее переезда на пароходах. [39] Особенно терпят дети и неред-

ко гибнут во время пути. Из числа нескольких подобных фактов, оглашенных в печати (а сколько неоглашенных?), приведу следующий, бывший на пароходе Ермак. На этом пароходе прибыло из Тюмени в Томск 37 семейств переселенцев, у которых было 18 детей, больных скарлатиной, и, кроме того, в пути умерло трое детей. [40] На обоих пароходах, на которых мне пришлось ехать, были больные дети в переселенческих семьях, оставшиеся, разумеется, без всякой помощи, пока кто-то из пассажиров случайно не узнал об этом и не обратил на них внимания случившегося на пароходе врача. Ходил даже слух, будто один ребенок на сибирском пароходе умер от дифтерита и был поспешно похоронен на ближайшей пристани. Пароходная администрация тщательно отрицала этот факт, чтобы не смущать «чистую» публику, тем более, что в числе последней был один важный административный «чин», ехавший на службу в Сибирь с семейством. Вообще говоря, плавание в невозможной тесноте и особенно при неблагоприятной погоде в осеннее время является отличным средством для развития

заразных болезней. Именно эти болезни вместе с болезнями (желудочно-кишечными) от дурного питания господствуют между переселенцами. На такие факты, разумеется, никто не обращает внимания. Да и кому дело до переселенцев? Господа капитаны, внимательные к «хорошему» пассажиру, с которым можно закусить и выпить, и лебезящие перед пассажиром, которого, в качестве «чина», можно трепетать, обращают нуль внимания на остальных и в особенности на безответных «серых», привыкших бояться всякого начальства. Я, по крайней мере, ни разу не видал, чтобы кто-нибудь из пароходного начальства, хотя бы для вида, позаботился взглянуть, как размещаются на ночь палубные пассажиры, спросить об их удобствах и т.п. По-видимому, подобные заботы никогда не приходят никому в голову, и когда один нервный господин, из так называемых «беспокойных пассажиров» (чем дальше от столиц, тем реже встречается этот типичный русский «беспокойный пассажир»), поднял было вопрос о тесноте помещения переселенцев и возмутился, что с них берут за кипяток

по пять копеек, то сияющий и щеголеватый наш капитан даже вытаращил свои маленькие глазки, очевидно, удивленный подобному вмешательству не в свое дело и едва ли понимающий, как это теснота может беспокоить палубного пассажира, да еще сиволапого.

– Помилуйте! Чем им нехорошо? – воскликнул он. – На других пароходах не так теснятся, а у нас довольно даже поместительно. У нас, с позволения сказать, на Волге всякие такие «филантропии» вовсе не известны. Никто из переселенцев не заявляет претензии, и вы только себя напрасно беспокоите пылким «воображением фантазии», – ядовито прибавил капитан.

Заметьте, что все это происходит на пассажирских пароходах (где капитан все-таки «почище»), на глазах у публики, – правда, публики в большинстве случаев равнодушной к подобным фактам и не любящей впутываться в «истории», но среди которой нет-нет да и объявится вдруг «беспокойный пассажир» с сильно развитыми альтруистическими наклонностями и подымет «историю». Что же делается на буксирных пароходах и на

баржах, где, кроме переселенцев, никого нет? Там уж вовсе не церемонятся с людьми и нередко обходятся совсем варварски. Так, например, в 1883 году, в конце июня месяца, прибыла в Томск на буксированной пароходом Ерш барже Тура огромная партия переселенцев в 2500 человек, втиснутых в пространство, на котором едва бы могло поместиться 800 человек. Подвергаясь всякого рода притеснениям со стороны пароходовладельца и, главное, терпя недостаток в продовольствии, партия эта привезла с собою 80 детей, больных скарлатиною, корью, дифтеритом и кровавым поносом. На самой барже найдено 5 трупов, и в первые сутки по прибытии умерло 9 детей, а, по рассказам крестьян, во время перехода водой было еще 20 умерших. Изнуренные такими лишениями, люди, очевидно, не могут устроить себе на зиму сносные избы, а, скупиваясь в самых тесных помещениях, по несколько семей вместе, продолжают бедствовать от недостатка пищи и от морозов. Все эти люди составляют таким образом самую благоприятную для развития заразных болезней почву. [41]

Плохо приходится переселенцам и во время стоянок в Тюмени, в ожидании парохода. Несмотря на важность этого перевалочного пункта, там до сих пор не устроено никаких приспособлений, хотя в этом городе и есть переселенческий чиновник. «Со слезами на глазах рассказывают переселенцы об ужасах их пребывания в Тюмени. Недостаточность помещения вызвала страшную скученность. Людей валили, как скот, в сараях, в хлевах, на открытом воздухе. О различии полов никто и не помышлял; о возрастах никому не приходила мысль. В одном сарае поместили до 3000 переселенцев, между которыми была масса больных. И в такой обстановке несчастным приходилось мучиться семнадцать дней, так как пароходы их не брали. Прождав 17 дней и испугавшись поголовной смерти, они возвратили в пароходную контору обратно билеты и двинулись далее на лошадях». [42]

Но мытарства переселенцев не кончаются и тогда, когда они после всех испытаний добираются наконец (случается, христовым именем) до желанной «самары», как называют они Томскую губернию. Новые и немалые

затруднения ждут их на этой «самаре» и особенно в Алтайском горном округе, куда главным образом и стремятся переселенцы.

VI

Мне придется коснуться некоторых подробностей земельного неустройства старожилов Алтайского округа, т.е. бывших горнозаводских крестьян и прежде переселившихся на Алтай беглых из России, чтобы читателю были понятнее причины затруднений, испытываемых на вольных землях переселенцами. [43] Эта безурядица, продолжающаяся до сих пор и сама по себе очень характерная, как иллюстрация картины беспорядка при обилии земли, влияет и на положение переселенцев и на отношения старожилов к ним — отношения, бывающие иногда далеко не мирными. До сих пор там нередки споры из-за земельных границ между новоселами и старожилами и между теми и другими и горным ведомством. В 1881 году из-за неправильных требований лесных чинов были даже некоторые волнения среди алтайских крестьян.

Начало этой безурядицы идет не со вчерашнего дня. Крестьянская реформа отозвалась на Алтае освобождением горнозаводских крестьян от обязательного труда и устрой-

ством крестьянских учреждений, но положения о земельном устройстве крестьян и о выкупе не применены, ввиду того, что большая часть земель, занятых бывшими заводскими крестьянами и разбросанных на громадной площади, не была точно обмежевана. Некоторые из земель подверглись в 20 годах обмежеванию, но столь неудовлетворительному, планы и пояснения на планах представляли такое несходство с натурой, что подобное межевание не могло служить основанием для земельного устройства бывших горнозаводских крестьян.

На основании этих-то соображений и было постановлено: «Впредь до приведения в известность земель Алтайского горного округа предоставить крестьянам, в оном поселенным, пользование всеми усадебными, пашенными, сенокосными и другими угодьями в тех размерах, в каких ныне угодья сии в их пользовании состоят», и за такое пользование в доход кабинета его величества взыскивалось по 6 р. оброку с каждой ревизской души.

Закон этот сперва не вызывал никаких

недоразумений, хотя неравномерность земельных наделов существовала и тогда. У одних селений земли в пользовании было много, у других мало; в некоторых селениях на душу приходилось свыше 500 десятин земли, в других от 7 до 14, наконец были и такие, где надел колеблется между двумя и семью десятинами, и таким образом 6-ти рублевый оброк ложился неравномерно. Ввиду возможности пользования свободною землею на правах аренды, подобные порядки не имели существенного значения на месте до тех пор, пока земли кабинета его величества не были открыты (в 1865 году) для переселения. С тех пор границы «условного пользования» стали мало-помалу уничтожаться, а между тем никаких мер к более правильному земельному устройству алтайских крестьян не предпринималось, и земли все еще «не приведены в известность». Мало того, закон, предоставлявший алтайским крестьянам неограниченное пользование угодьями в размерах, в каких они пользовались при обнаружении положения 8 марта 1861 года, был нарушен восставлением заведомо негодных планов 20–30

годов, на основании которых крестьян обязали пользоваться землей. Отсюда земельные споры о границах, до сих пор не прекратившиеся и разоряющие крестьян. Еще более тягостными являются стеснения тех же крестьян в пользовании лесом. Хотя в 1881 году и было разъяснено, что крестьяне могут пользоваться лесом в пределах своих наделов безусловно, а из заводских дач за пользование более ценным лесом на собственные только надобности обязаны отбывать повинности — опалку заводских дач и тушение лесных пожаров, — тем не менее ни закон, ни разъяснение его не исполнялись лесным ведомством; оно запретило крестьянам пользоваться лесом в пределах их наделов даже по неудовлетворительным планам. Возвращенный и берегаемый крестьянами лес вдруг оказался под запрещением.

«Все порубки в этих лесах, даже на мелкие хозяйственные поделки, преследовались, лес конфисковался, налагались тройные штрафы, между тем те же рощи, вследствие личных недоразумений между крестьянами и лесною стражей, отдавались на сруб и полнейшее ис-

стребление разным подрядчикам заводов. Опалка заводских лесов обращена в доходную статью низших (?) лесных чинов, которые, взимая с крестьян, назначаемых на опалку, откуп от этой тяжелой повинности, проводят опалку небрежно, не доводя таковую до конца. Всем этим весьма просто объясняется то явление, что за время существования здесь лесной стражи, в течение 10 лет, леса Алтайского округа подвергаются ежегодно сильному истреблению от пожаров, и краю грозит полное обезлесение».

Факты подобного рода, сообщаемые в официальном издании (Пам. книжка на 1844 г.), показывают, какая неурядица существует в этих «свободных землях».

Все эти неурядицы вместе с разными стеснительными формальностями по отчислению и перечислению затрудняют устройство переселенцев на новых местах и не дают возможности переселенцам скоро приобрести ту обеспеченность, которой они были лишены на родине. «Перечисления» продолжаются года. «Мы имели случай видеть людей, – говорит г.Ядринцев в своей книге Сибирь, как ко-

лония, – живущих по 12 лет и более по паспортам без перечисления, точно так же, как и людей, лет по 11 хлопочущих о перечислении и находящихся в переходном состоянии. Переселенец как бы не принадлежит ни тому, ни другому обществу, но он несет и податную тяжесть и повинность на новом месте, наконец он несет расходы по перечислению». С этой долгою, обставленною разными проволочками процедурой перечисления получается иногда, – по словам того же автора, – «комбинация самого сложного и запутанного свойства, которую не может ни разобрать канцелярия, ни распутать сама жизнь». У г.Ядринцева был, например, в руках документ, в котором «значится перечисленных в Сибирь 25 душ крестьян; взыскание на них равняется 2097 р. 33 к. Из этих 25 человек только 8 оказались в живых, а из них только один, имеющий имущество, которое и подлежало продаже».

Сколько таких мытарствующих, «не причисленных» по разным причинам переселенцев, об этом едва ли имеются точные сведения. По сделанному в 1880 году учету пересе-

ленцев в Томской губернии, – учету едва ли точному (статистика исправников – известно, какая статистика!), только в двух округах названной губернии (Бийском и Барнаульском) оказалось 3972 семейства таких непричисленных крестьян, которых существование находится в полной зависимости от снисходительности, разумеется, небескорыстной, сельских и административных властей, могущих всегда придрататься за просрочку паспортов или бесписьменность. Нечего и прибавлять, как отзывается на таких переселенцах это долгое переходное состояние.

Что же касается рассказов о «быстро развивающихся», «цветущих» переселенческих колониях, вырастающих будто бы со скоростью грибов, то все подобные рассказы, по словам местных наблюдателей, – не более, как гиперболические украшения вроде «винограда» на Амуре.

Тем не менее переселенцы идут и все более идут на «самару», и если и не образуют цветущих колоний, хотя бы похожих на немецкие в Новороссийском крае, то все-таки в конце концов устраиваются экономически

лучше, чем дома. По крайней мере, благодаря обилию земли, лугов и лесу, – обилию, о котором они давно забыли на родине, – можно жить без нужды, не рискуя шкурой за правильное поступление недоимок. Это-то сравнение здешнего обилия земли со скудостью ее на родине и вызывает нередко восторженные отзывы о жизни на вольных землях, особенно со стороны более ранних переселенцев. Но в последнее время устройство переселенцев в нашей «Америке» делается более затруднительным, если они не несут с собой денежного запаса, что бывает, разумеется, редко. Трудности эти, облегчить которые ничего бы не стоило при некотором, более внимательном отношении к переселенческому вопросу со стороны государства, увеличиваются по мере большего притока и обуславливаются, между прочим, еще и тем обстоятельством, что движение направляется преимущественно на Алтай и предпочтительно в один излюбленный переселенцами Бийский округ, где уже и теперь начинает чувствоваться теснота, вследствие бестолкового расселения новоселов в названном округе. По

словам одного наблюдателя, посетившего многие алтайские деревни в прошлом году, уже и теперь там слышны жалобы, как бы «не сделалось тесно, как в России», и эта-то теснота является нередким источником недо-разумений между старожилами и новосела-ми. [44]

Прежде, когда переселения на «самару» не принимали больших размеров, переселенцам на Алтай было гораздо легче устраиваться; старожилы охотнее принимали их в свои об-щества и брали за приемные приговоры меньшую плату, чем теперь, когда плата за прием колеблется между 50 и 60 рублями с переселенческой семьи, не считая других рас-ходов, обязательных для новоселов. [45] Те-перь же некоторые общества и совсем отка-зывают в приеме новоселов, рассчитывая, что в будущем самим старожилам понадобятся свободные теперь земли. Немалую роль игра-ет и неопределенность земельного устрой-ства алтайских крестьян, заставляя их боять-ся за будущее и косо посматривать на при-шельцев, занимающих земли. Границы участков, отводимых вновь образуемым селе-

ниям переселенцев, нередко возбуждают споры, и причина их главным образом кроется в отсутствии правильного обмежевания участков. [46]

Понятно, что расходы [47], необходимые для приписки к какому-нибудь обществу и для обзаведения, оказываются в первое время под силу лишь немногим переселенцам. Случается, что приезжают на «самару» и такие, что имеют даже тысячу рублей про запас, но таких «тысячников» капля в море. Громадное большинство является на место ни с чем или с самым ничтожным запасом. Таким переселенцам, прежде чем сесть на хозяйство, приходится нередко батрачить у местных крестьян, причем труд их оплачивается хлебом, лесом на постройку и частью деньгами. Нельзя сказать, судя по рассказам наблюдателей, чтобы старожилы по-братски рассчитывались с «Россией». Они не прочь закабалить при случае рабочего, и тогда переселенцу приходится жутко. Имеющие какую-нибудь возможность заняться по прибытии на место земельным трудом сразу же принимаются за дело, не стесняясь захватывать свободные

земли, принадлежащие старожилам, что вызывает со стороны последних жалобы. В свою очередь, и старожилы теснят новоселов. Пустят сперва переселенцев к себе, продадут им дома, уверяя, что обзаведшийся домом легче получит приемный приговор, и затем отказывают в приеме и выживают новоселов. Дело доходит до серьезных столкновений. Переселенцы, рассчитывавшие на «перечисление» и затратившие на покупку домов последние деньги, добровольно не уходят, несмотря на приговоры о выдворении. В одной из волостей, где старожилы сперва было позволили поселиться новоселам, но, увидав значительный их наплыв, испугались «тесноты», был постановлен приговор просить исправника об удалении новоселов «ввиду упадка сельского благосостояния», и исправник предписал волостному старшине «не допускать заниматься хлебопашеством всех непричисленных переселенцев и, назначив им сроки для приискания другого места жительства, выдворить».

Были случаи, когда обострившиеся отношения доходили до того, что старожилы, же-

лая выжить новоселов, ломали у последних печи и сносили дома. Вообще отношения между теми и другими ухудшаются по мере наплыва переселенцев, и именно в тех местах, где, как, например, в некоторых селениях Бийского округа, является страх за недостаток земли в будущем, – страх, вызванный в старожилах рассказами же новоселов о тесноте в России и о высокой арендной цене на землю. Местный наблюдатель, бывший в селе, где происходило столкновение старожилов с новоселами, и посетивший несколько алтайских деревень, рассказывал, что из бесед со стариками и из опросов многих переселенцев он вывел заключение, что вообще старожилы не прочь эксплуатировать и теснить переселенцев. Жалобы друг на друга – обыкновенная вещь. Старожилы говорят, что «российские» обманно водворяются в деревнях, самовольно выпаживают лучшие места, занимают уголья, пользуются лесом и т.п., а переселенцы, в свою очередь, утверждают, что они выпаживают «вольные» земли, втуне лежащие, что лес божий, что его, слава богу, много, не то что в России, и жалуются на ста-

рожилов, что те их «не признают»: обещали принять в общество, пили водку на их счет, продали за высокую цену дома, а теперь гонят.

Основываться сразу на новых участках и таким образом избежать расходов по приемным приговорам и столкновений с старожилами не всегда возможно для обнищавших в дороге переселенцев, особенно таких, которые переселяются малыми партиями и идут по зову родственников или земляков в определенные селения. Да и вообще-то русский человек любит жаться к людям. Переселяющиеся большими партиями, в несколько десятков семейств, нередко прямо с дороги садятся на участки, занятые ходоками, и опять-таки вследствие неимения средств не скоро еще входят в силу. Тот же самый исследователь, со слов которого я уже привел некоторые факты, рассказывал, что он видел новые поселки, где переселенцы уже поселились три года. В одном из таких поселков люди все еще жили в землянках, полных сырости. Зайдя в одну из таких землянок, он нашел большую бабу и детей в рубищах. Из рассказов

нескольких домохозяев видно было, что они не особенно довольны «самарой»; жаловались, что не могут никак сбиться с постройкой и наладить хозяйство; жаловались, что земля неважная, что лес и вода далеко; вообще положение этих пионеров производило тяжелое впечатление.

Ко всем этим неурядицам следует еще прибавить и жалобы на то, что вновь назначенные в Алтайском горном округе для заселения участки не особенно удобны для земледелия. Расположенные в горах и пригодные для скотоводства, они пугают обитателей равнин, и переселенцы избегают этих мест, предпочитая устраиваться на более ровных местах, хотя бы и при относительной тесноте. Об отводе «вольных земель» на Амуре и около Владивостока идут от возвращающихся переселенцев еще более безотрадные слухи; места, указываемые чиновниками, заведующими переселенческим делом, оказываются никуда не годными, и нередко амурские переселенцы, после долгих мытарств, возвращаются вконец обнищавшими назад, горько сетуя, что их обманули землями, и жалуясь на равнодушие

амурских переселенческих агентов.

VII

Даже и из этих неполных и отрывочных замечаний нетрудно вывести заключение о безотрадном положении переселенческого дела в настоящем его виде. Между тем дело это, помимо простой человеческой справедливости, требует самого серьезного внимания. Ведь бегут от вопиющей нужды, вследствие малоземелья, тысячи человек, бежало бы и больше, если бы были средства для дороги. Необходима серьезная помощь со стороны государства, не желающего плодить нищету и разводить разные «дела», доставляя бесцельные занятия производителям этих «дел», наполняя тюрьмы за воровство и прибегая к традиционной порке для получения недоимок, получить которые, очевидно, невозможно. Необходимо более правильное и, главное, более просвещенное урегулирование крестьянских переселений, причем выбор людей, посылаемых для наблюдения за ними, должен быть очень тщателен. Ведь от этих людей зависит нередко буквально участь людей! Боже сохрани, разумеется, чтобы пересе-

ленческое дело попало в руки чиновников, то есть чтобы расселения происходили по их указанию. Прежние опыты принудительной колонизации (особенно при заселении Амурского края), кажется, убедили, к каким нелепостям и бедам ведет подобная колонизация. Надо, конечно, предоставить полную свободу самим переселенцам селиться, где они хотят, выбирать места, какие они знают (лучше самих заинтересованных никто не распорядится), но необходимо заранее давать верные сведения о свободных землях, об условиях пользования ими и т.п. и сообщать их в земства [48]. Вообще не мешало бы желающим переселиться дать возможность хотя несколько познакомиться с тем, что ожидает их впереди: со стоимостью пути, с расходами по перечислению, — словом, с теми нехитрыми сведениями, знание которых значительно облегчит движение переселенцев. В то же время необходимо устроить на всех важных пунктах переселенческие станции, где бы переселенцы могли найти хотя какой-нибудь призор, и, что главнее всего, серьезно помочь нуждающимся переселенцам при уходе из дома и при

устройстве на новых местах. Такая помощь, хотя бы в виде займа, с раскладкою на несколько лет, конечно, не ляжет бременем на государство, если бы даже и потребовала значительных сумм, так как подобный расход действительно производительный. Если бы для наших переселенцев, гонимых нуждой во всех ее видах, была сделана хотя десятая доля того, что делало правительство для немецких колонистов при заселении наших южных окраин, то не было бы этих раздирающих душу картин, которые можно видеть на пристанях, в городах, по сибирским дорогам, и не было бы всех тех затруднений, которые испытывают переселенцы при устройстве.

То, что сделано в последнее время для облегчения переселенцев, представляется робкою попыткой, имеющей характер филантропической меры, причем эта филантропия проявляется в очень умеренных дозах. В некоторых местностях, через которые направляется переселенческое движение, есть чиновники, на обязанности которых лежит учет переселенцев, содействие им и в некоторых случаях оказание денежной помощи, но деньги, от-

пускаемые на этот предмет, так ничтожны, что помощь эта или, вернее, милостыня (в большинстве случаев заимообразная), оказываемая самой вопиющей переселенческой нищете, конечно, не приносит переселенцам существенной пользы.

Я не знаю, какова деятельность, например, тюменской переселенческой станции, где находится чиновник, наблюдающий за переселением, – знаю только, что до настоящего времени в этом весьма сложном перевалочном пункте переселенческого движения не устроено даже какого-нибудь барака, и в этом городе возможны были возмутительные сцены беспризорности людей, подобные сценам, описанным выше; но деятельность томской переселенческой станции, где с лета 1884 года находится чиновник, командированный министерством внутренних дел для заведования переселенческим делом, заключается в следующем. С лета 1885 года, вблизи паровой пристани, в пяти верстах от города, устроены два барака с большим огороженным пространством для размещения телег и лошадей. Бараки, правда, небольшие и при скоплении

больших партий далеко не вмещающие всех пристающих, но переселенцы, разумеется, рады и такому сюрпризу, находя пристанище и избавляясь от платы за квартиры в городе, где им приходится останавливаться, иногда на целую неделю, для закупки лошадей и телег, чтобы следовать далее. При бараках в течение всего лета находились доктор и фельдшер, осматривавшие каждую партию по их прибытии и подававшие заболевшим медицинскую помощь. [49] Больные, преимущественно дети, помещаются вместе с здоровыми, но для заразных больных при бараках есть отдельное помещение на 18 человек. Затем, денежные пособия, выданные из сумм, находившихся в распоряжении заведующего переселенческим делом чиновника, представляются в таком микроскопическом размере.

Из числа 5589 человек переселенцев [50] (в том числе 149 ходоков), составляющих 992 семьи, получили пособие: заимообразно 111 семей – 1280 рублей и безвозвратно 72 семьи – 280 руб., а всего 183 семьи получили 1560 руб., что средним числом составит 8 руб. 53 коп. на

семью.

О деятельности лиц, заведующих переселенческим делом в Сибири на местах расселения, точных сведений я не имею. Знаю только, что при горном управлении Алтайского округа находится отдельное управление земельною частью с несколькими чиновниками. Сколько слышно, деятельность их во многом парализуется горным управлением, и хаотическое состояние «временного» земельного устройства на Алтае, разумеется, не может быть поставлено им на счет. Но «теснота», например, в Бийском округе, происходящая вследствие того столкновения старожилов с новоселами и наконец не всегда удачный выбор участков, предназначенных к заселению, — все это прямо касается их. Насколько сведущи гг. чиновники в сельском хозяйстве и насколько знакомы с местными условиями того края, в котором они должны «содействовать» переселенцам, сказать не могу, но, судя по сведениям о «местных условиях», сообщаемым ими в имеющемся у меня в руках напечатанном Списке вновь образованным селениям и свободным участкам, предназначен-

ным к заселению в горном Алтайском округе, – списке, подписанном г. начальником округа, компетентность составителей Списка в сельскохозяйственных описаниях очень слаба. Описания участков не дают даже и приблизительного представления о том, что найдет переселенец, лаконичны до смешного и сильно отзываются канцелярскою отпиской. [51]

«Названия:

1) Деревня Вознесенская. – Местность ровная, степная.

2) Деревня Дубровина. – Местность ровная, степная.

3) Деревня Березовка. – Место каменистое, гористое, для хлебопашества имеются черноземные места.

4) Малышев-Лог. – Местность ровная, степная, сосновый лес в 1 версте. Церковь в 50 верстах.

5) Участок по р. Средней Терсти. – «О местных условиях» ни слова.

6) Деревня Воскресенская. – Место холмистое.

7) Участок по речкам Инчерепу, Карагумы-

шу и Березовой. – Лес мешаный в 3 верстах; местность ровная.

И все в таком же лаконическом роде. Видно, гг. чиновникам кроме «ровного места», нечем поделиться. Положим, ходоки лично осматривают земли, но, если б описания составлялись более толково, ходокам, разумеется, пришлось бы странствовать в поисках за подходящими участками гораздо менее, и переселенческие партии, прибывающие без ходоков, могли бы лучше ориентироваться при меньшей повествовательной скупости «описаний» (Прим. автора.)

Эта язва «канцелярщины», без толку причиняющая людям немало страданий, особенно, как слышно, свирепствует на Амуре. На «неудовлетворительность» тамошних переселенческих порядков жалуются возвращающиеся переселенцы и указывает местная печать. По признанию одного лица, близко стоявшего к амурскому переселенческому управлению, существующему, кстати заметить, уже несколько лет, «во все время существования управления в его составе не было ни одного лица, знакомого с агрономией, так что

вся деятельность управления сводилась к канцелярской переписке и ко всякого рода „бумажной деятельности“. [52]

Но, как ни затрудняют переселенцев лица, обязанные им содействовать, каким испытаниям ни подвергаются переселенцы в пути и каких только мытарств ни предстоит им на новых землях, но дома так сильно «утеснение», что партия за партией идут в далекие страны, идут часто христовым именем, эти искатели нового счастья, старающиеся разрешить трудную проблему: где же наконец хорошо жить русскому человеку?

Переселенцы, ехавшие с нами до Перми, шли из разных мест. Были тут и тамбовцы (их больше других), и воронежцы, и куряне, были и вятские, две семьи тронулись с тихого Дона. На вопросы о причинах переселения – одни и те же стереотипные ответы: малоземелье, высокая арендная плата, невозможность справиться с «поданьями». Вятчане шли из-за лесу, «лесом утесняли». С Дона шли не казаки, а приписные, – теснили земель, и кроме того соблазнило письмо сродственников: разбогатели на «самаре» и зовут. Большинство пере-

селенцев шло на «Самару» и немногие на Амур. Народ все крепкий, здоровый, еще не утомленный долгим путем. Мужчины хотя и выражали сожаление, что пришлось покинуть дедовские могилки (особенно старики жаловались), но вообще относились к будущему с надеждой, «только бы добраться до самары», но бабы, по обыкновению, сомневались, и мне случалось слышать – особенно часто на сибирском пароходе – как бабы при всяком случае путевых затруднений упрекали мужиков. «То ли еще будет!» – жалобно вздыхали многие из них, подбавляя яду горечи в сердца мужчин, и без того сумрачных, если путевые расходы оказывались более предположенных. Вообще женский элемент, сколько я заметил, с большим недоверием взирал на будущее, рисуя его в мрачном виде, и с большим сокрушением вспоминал об оставленных гнездах, стараясь, в противоположность мужикам, представить прошлое житье дома в более розовых красках. Особенно безотрадно вздыхали старухи, не смея, однако, очень жаловаться в присутствии больших.

Во время пути на пароходе и» Тюмени до Томска мне пришлось быть даже свидетелем, как из-за одной бабы чуть было не произошел в одной семье настоящий семейный бунт. Семья эта состояла из отца с женой и двух сыновей с женами-молодухами. Направлялись они из Мглинского уезда, Черниг. губ., под Бийск (куда именно – и сами точно не знали) по вызову земляков, переселившихся на «самару» три года тому назад. Глава семьи, серьезный, сосредоточенный мужик, стеснявшийся в дорожных расходах и харчившийся крайне скупно, в разговоре как-то обронил, что запаса у них мало, разве что добраться до места, и спрашивал: «поможет ли казна?» Я заметил, что при словах старика младшая его невестка, молодая, пригожая, бойкая баба, ядовито усмехнулась и незаметно подтолкнула локтем мужа, смиренного на вид молодого мужика, с добрыми большими глазами, однако ничего не сказала и продолжала слушать вместе с другими главу семьи. Спустя несколько времени, подойдя к этой семье в отсутствие старика, я было спросил старшего сына, доволен ли он переселением, как вдруг молодая ба-

бенка заговорила. Она подсмеивалась над дураками, которых «сбивают старики», и с какою-то порывистостью доказывала, что лучше вернуться, пока еще не поздно. «И без того натерпелись дорогой, а что еще будет – про то господь знает...» Слова ее, по-видимому, находили полное одобрение в женских членах семьи. Старуха одобрительно покачивала головой, по временам пугливо озираясь, старшая невестка поддакивала, а оба брата молчали, причем старший взглядывал с таким видом, словно бы просил снисхождения за глупую бабу.

Молодая баба говорила с торопливою страстностью долго сдерживаемого негодования и во время речи то и дело вскидывала на мужа вызывающий взгляд, как будто ожидая от него одобрения и поддержки. Ее красивое лицо оживилось; в темных глазах искрился недобрый огонек. Но муж молчал. Видимо, смущенный ее речами, он все беспокойно поглядывал на стоявшую впереди, у дымовой трубы, кучку мужиков, среди которой был отец.

– Ну, будет, будет тебе! – вдруг мягко оста-

новил он жену, указывая глазами на подхлотившего главу семьи.

Молодуха взглянула на мужа взглядом, полным презрения, как-то брезгливо повела плечами, однако тотчас же смолкла.

Я отошел в сторону, не переставая наблюдать за этою семьей. Я видел, каким строгим, пытливым взором обвел старик младшую невестку и сыновей. Молча уселся он на место и, несколько спустя, сообщил, обращаясь к старшему сыну, что сибирский мужик сейчас рассказывал, будто в Томском наверное от казны дают пособие.

– Сказывали люди, будто и в Тюмени дают, а ничего не дали! – вдруг проговорила насмешливым тоном неутомная баба.

Я ждал, что будет сцена, что патриарх немедленно оборвет эту протестантку. Но старик только повел на нее глазами и, будто не обращая никакого внимания на ее слова, продолжал:

– И хвалит же места! Благодать, говорит, господня, а не места, на самаре! Не то что у нас.

Все слушали патриарха молча. Старик,

видно, ждал, что хоть старший сын обмолвится сочувственным словом, но и он не промолвил в ответ ни звука. Ясно было, что все семейство шло на «самару» лишь по воле большака. Еще суровее и подозрительнее взглянул старик на невестку и замолчал.

Ночью, осторожно проходя среди тесных рядов спящих переселенцев, я совершенно неожиданно увидел эту самую бабу с мужем, далеко от места, занимаемого их семьей. Оба они стояли у входного люка в каюту второго класса и вели какую-то таинственную беседу. Говорила, впрочем, больше она. Среди ночной тишины, прерываемой мерным стуком паровой машины, доносился ее тихий голос. То нежные до ласки, то гневные до угрозы ноты низким шепотом разносились в воздухе. Временами она возвышала голос, и обидная, едкая насмешка над тряпичностью мужа вылетала из ее груди. Из обрывков долетавшего разговора я понял, что баба уговаривала мужа немедленно вернуться в Россию, с ближайшей пристани. Она убеждала, грозила. Можно потребовать свою часть у «старого дьявола». И вслед за этим послышался мяг-

кий, нежный шепот. Ласковыми словами манила она мужа домой. До моего слуха долетели какие-то уверения «любить по-хорошему».

Вероятно, «заговорщики» заметили меня. Разговор внезапно оборвался. Обе фигуры оставили укромное место. Захваченные на открытой части палубы полосой бледного света луны, они, словно тени, скрылись в темноте, за трубой, и я спустился в каюту.

На утро, проходя мимо черниговцев, я понял, что в этой семье произошла крупная семейная ссора. Старуха, старшая невестка и оба сына сидели смущенные, покорно притихшие, словно только что наказанные и чувствующие свою вину дети. Зато на лицах старика и молодухи еще не скрылись следы сильной душевной бури. Старик был сосредоточенно мрачен и гневен, а энергичное лицо молодой женщины дышало вызовом и затаенною злобой существа, покоренного, но не побежденного грубою силой. Глаза ее были красны от слез, но вздрагивающие тонкие губы по-прежнему складывались в язвительную усмешку. Видно было, что эта баба не из покорных, чувствует свою силу и еще задаст

немало задач этой семье.

Среди соседей-переселенцев шли разговоры о бывшем рано утром скандале. «Старик поучил и сыновей и невестку. И поделом. Вздумали бунтовать. Делиться вдруг на дороге захотели – один срам. И все из-за этой шельмы-бабы...»

– Мало еще он ее, бесстыжую, уму-разуму учил! – задорно рассказывал смиренный такой на вид, мозглявый мужичонка. – Я бы ее, шельму, не так выучил... Я бы в кису ей наклал, подлой... Не бунтуй...

– О-о-ох, господи Иисусе! – вздохнула старушонка. – Виданное ли это дело бабе да бунтовать?

– То-то и есть. До места не дошли, а она... эко дело выдумала... ворочаться назад. И мужиков молодых смутьянила!..

Переселенцы, бывшие с нами на волжском пароходе, имели самые смутные представления об обетованной «самаре». Никто и не подозревал о предстоящих затруднениях и мытарствах на новых местах. У всех на языке бы-

ла надежда на вольную землю и на господа бога. «Господь не оставит!» Многие не знали, далеко ли еще ехать и где придется поселиться. О существовании переселенческих чиновников никто не слышал, о переселенческой станции в Томске – тоже. О пособии от казны между переселенцами ходил смутный говор. Некоторые говорили, что, «слышно, дают» желающим, и даже цифра определялась – от двух до пяти рублей, – но где именно получают деньги и куда обратиться за ними, никто не знал.

Возвращавшийся в Сибирь, после полуторагодовой побывки на родине, смысленный, бывалый белорус, мужик лет под пятьдесят, с умным, добрым лицом, державший себя с чувством собственного достоинства и с тою независимостью, которая составляет отличительную черту сибирского мужика, не знавшего крепостного права, сомневался насчет выдачи пособия. По его мнению, едва ли казна станет выдавать, а если и в самом деле выдает, то «чиновники» попридержат. Вообще о сибирских чиновниках он был крайне невысокого мнения и не без юмора рассказывал

разные истории специально сибирского характера собравшемуся вокруг него кружку переселенцев.

Этот белорус прожил лет двадцать в Сибири, в Тобольской губернии. Он из поселенцев, но недавно получил право выезда в Россию. Ездил он на родину вместе с женой, чтобы привезти к себе старушку-мать. Заработав на возвратный путь, он возвращался теперь снова в Тобольскую губернию, где живет в деревне среди коренных сибиряков. Жить в Сибири, по его словам, можно, насчет земли и леса вольно, но зато теснит начальство. «Ты с ним держи ухо востро – все деньги вымотает, если есть!» И коренной сибиряк, по его словам, недолюбливает пришлого, особенно поселенца. «Народ, прямо сказать, грубый! Ну, да и то сказать, и между росейскими немало разных „жиганов“ да „бакланов“... Сибиряк и боится!» – прибавил белорус.

Жадно ловят каждое слово о «Самаре» переселенцы. И когда, в первый же вечер нашего плавания, один чахоточный студент-сибиряк, ехавший из Москвы лечиться на кумыс, стал рассказывать соседу своему на палубе,

переселенцу на Алтай, о тамошних местных условиях, то не прошло и пяти минут, как вокруг него собралась толпа, слушавшая в благоговейном внимании интересную речь студента. Он сам бывал на Алтае и вообще интересовался переселенческим делом. От него ехавшие с нами переселенцы впервые узнали о существовании переселенческих чиновников, о пристанище в Томске, о выдаче пособий, о стоимости дальнейшей дороги, о том, как перечисляться, короче говоря, благодаря студенту они совершенно случайно получили те простые, но важные для них сведения, которые хотя несколько облегчат бесцельные мытарства многих десятков людей.

Долго не расходились слушатели. Одни сменялись другими. Больному, бледному, исхудалому рассказчику приходилось несколько раз повторять одно и то же и отвечать на разные вопросы. Но он, казалось, не знал усталости и с готовностью делился тем, что знал. Уже поздно вечером разошлась последняя аудитория, поблагодарив рассказчика с трогательной простотой и преувеличенной признательностью людей, не привыкших

пользоваться подобным вниманием со стороны «господ». И надо было видеть, как жалели многие, узнав на следующее утро, что этого «доброего господина» уже нет на пароходе. Он вышел в Казани.

VIII

Проплыть по нашим рекам недельку-другую и не пощупать бока другого парохода, не напороться «по нечаянности» на встречную баржу, не застрять где-нибудь на шесть, а то и на целых двенадцать часов по случаю «маленького повреждения» в машине, одним словом, обойтись без приключений – такая же диковина, как испытать их, свершая в наши дни даже океанские плавания.

«Почему?» – спросит, быть может, мало путешествовавший читатель.

Да главным образом потому, что у нас именно не вмещиваются там, где следовало бы вмещиваться, а, напротив, зачастую стараются регулировать то, что не поддается регулированию. Среди наших речных капитанов вы можете встретить представителей всевозможных профессий, чиновника, юриста, гусара, купца, дьячка [53] и крайне редко – человека, знакомого с ремеслом и умеющего найтись в исключительных обстоятельствах, всегда возможных хотя бы и в плавании по ре-

кам.

Эта бесшабашная отвага русского человека братья с легким сердцем за дело, о котором не имеет ни малейшего понятия, – явление слишком известное и часто встречающееся во всех сферах отечественной деятельности. Недаром же у нас пошла нынче в ход теория «здорового смысла» – теория, старающаяся подорвать значение специального образования, и если нас не удивляет, что иногда по воле провидения (или ближайшего начальства) лихой кавалерист, вместо того, чтобы культивировать жеребцов, культивирует юношество, педагог улучшает конскую породу, мореплаватель свирепствует на сухом пути, а какой-нибудь штык-юнкер, не изучивший никакого права, кроме права давать в зубы, заседает подчас в суде, – то отчего же, скажите на милость, дьячку или лабазнику не водить пароходов?

На этот раз приключение не заставило себя долго ждать.

Часа через четыре по выходе из Нижнего, среди бела дня, на широком и свободном от мелей плесе, где места было достаточно для

прохода десятка пароходов в ряд и где, казалось, немислимо было и подумать о возможности какого-нибудь приключения, – шедший невдалеке от нас вверх пароход ухитрился-таки устроить нам неприятность именно в то время, когда ее совсем не ожидали.

Пьяны ли были на соседнем пароходе, шедшем параллельно с нами, капитан и лоцманы, нарочно ли было устроено столкновение (говорят, это бывает) – бог весть, но только дело в том, что наш «спутник» без всякой основательной причины вдруг стал уклоняться от своего курса, подаваясь влево. Молодой помощник капитана, стоявший на площадке нашего парохода, слишком долго недоумевал непонятым маневрам соседа, и когда наконец сообразил, что при подобном изменении курса столкновение неминуемо, и приказал лоцманам взять влево, уже было поздно. Нос соседа был в нескольких аршинах от борта нашего парохода и приближался к нам. Испуганные пассажиры, бывшие на корме, не дожидаясь распоряжения растерявшегося помощника (капитан спал, чтобы бодрствовать ночью), бросились на другую сторону, и вслед

за тем, среди внезапно наступившей на обоих пароходах тишины, раздался треск удара.

По счастью, на таранившем нас пароходе догадались застопорить машину (в противном случае, при ударе с разбега, сосед легко бы мог прорезать нам бок и пустить нас ко дну), и удар, полученный нами, был довольно слабый. Вслед за тем пароходы разошлись, разменявшись, в лице своих представителей, приветствиями без всякого соображения, что на палубе находились дамы.

Все дело ограничилось поломкой нескольких досок борта да испугом пассажиров, особенно тех, которые во время этого импровизированного abordaja находились в кормовых каютах. Внезапно раздавшийся удар, сопровождавшийся треском выбитых стекол, произвел настоящую панику между женщинами и детьми.

Но среди большинства пассажиров это неожиданное приключение не произвело никакой сенсации. Пассажиры большею частью были люди местные, хорошо знакомые с волжскими порядками.

– Это еще слава богу! Не такие, можно ска-

зять, карамболи [54] бывают! – заметил пожилой купец из Елабуги. – А вот, прошлым летом, спускался я вниз, так нас господь только спас. Чуть было вовсе не утонули.

И он рассказал подробно «случай» ночного столкновения двух пароходов. Вслед за ним и другие пассажиры припомнили подходящие случаи. Оказалось, что почти у каждого было на памяти более или менее подобное приключение, когда только «бог спас», но при этом рассказчики редко винили капитанов, а в виде успокаивающей сентенции прибавляли, что без этого нельзя. Вода – не суша. В дороге будь ко всему готов.

Тем временем помощник капитана, взволнованный происшествием, бывшим во время его вахты, соорудив акт, обходил пассажиров с просьбой подписаться в качестве свидетелей. В этом акте, разумеется, сосед оказывался виноватым, а поведение помощника рисовалось в самом лучшем виде. Он не мог предотвратить столкновения и оказал чудеса энергии и распорядительности.

Никто и не подумал войти в рассмотрение вопроса о том, насколько был виноват и наш

помощник, не сообразивший тотчас же последствий маневра соседа, что сообразил бы человек мало-мальски знакомый с делом, и все охотно подписывали акт, свидетельствуя невинность помощника. Он так трогательно просил о подписи, что подмахнули акт и такие пассажиры, которые не были очевидцами происшествия, а лжесвидетельствовали, так сказать, по добродушию, чтобы не обидеть отказом просящего человека.

Этот акт, значительно успокоивший помощника, был передан в ближайшем городе для представления в полицейское управление.

Когда я любопытствовал узнать, какое последует движение этому «делу», капитан только махнул рукой и засмеялся. Таких «дел», по его словам, на Волге многое множество, тянутся они подолгу и редко доходят до суда, оканчиваясь большею частью добровольными соглашениями. Составляются же эти акты большею частью для очистки себя перед хозяевами пароходов, чтобы не подвергнуться вычету из жалованья за поломки или не быть уволенным со службы.

– Хозяева у нас – купцы, народ, знаете ли, прижимистый и необразованный... Войдет ему в голову, он и стонит с места... Надо уметь с ними ладить... Другой раз и без всякого резона штраф наложит.

Вероятно, в силу этой безобразной нелепиды отношений, характеризующей отечественные нравы, и на соседнем пароходе составили акт, обвиняющий в столкновении наш пароход. Таким образом кончаются всевозможные приключения, и за них редко когда привлекаются к ответственности капитаны и помощники. Разве уж когда случится происшествие слишком кричащее.

Если верить тому, что пишут в последнее время о провинции некоторые из наших газет, то чем далее от столиц, чем далее от центров умственной жизни, тем обыватель бодрее, веселее, менее подвержен влиянию «либерального миража» и за последние годы совсем, так сказать, «ожил»: глядит вперед «без страха и боязни» и только ждет не дождется, когда наконец будет упразднен «ненавист-

ный» для него гласный суд с присяжными, уничтожено земство, и взамен этого будут восстановлены дореформенные порядки с предоставлением дворянству первенствующей роли. Судя по этой «схеме блаженства», настоящая Аркадия, где люди не живут, а, можно сказать, наслаждаются, – Сибирь. Власть там сильная и грозная, не стесняемая препонами, исправник в каком-нибудь захо-лустье в своем роде Гарун-аль-Рашид [55], могущий при желании беспрепятственно водворить мир и благосостояние, земства нет, суда присяжных нет, мировых судей нет, журналов нет, общественного мнения нет, – чего еще, кажется, желать для людского счастья по доктрине некоторых публицистов?

Увы! на «провинцию» клеветают. Она далеко не так бодра и весела, как о ней рассказывают, судя, по крайней мере, по тем представителям «провинции», с которыми мне пришлось беседовать. Хотя специально разговоров о внутренней политике на пароходе и не вели (слава богу, не малолетки), каждый говорил о своих местных делах и делишках, но в этих толках не проскальзывало ни ма-

лейшего желанья одобрить идеал аракчеевского общежития. [56] Новые суды считали счастьем, земские учреждения, при всех недостатках, все же лучше старых порядков и, вспоминая эти старые порядки, вовсе не ждали возвращения их... Словом, сибирской Аркадии не завидовали, а спутники на сибирском пароходе не только не хвалились Аркадией, а пугали рассказами о тех ужасах, которые творятся в стране, представляющей собой до некоторой степени приближение к идеалу современных аракчеевцев.

И бодрости и веселья что-то не заметил я, хотя представителей «провинции» было немало в числе наших спутников.

В беседах проскальзывала нотка недовольства. Правда, часто недовольство это формулировалось в крайне примитивной форме («жить стало хуже»), но смею уверить читателя, что из этих бесед никак нельзя было вывести заключения, что жить стало хуже от того, что земство и суды «вносят разврат».

– И проходимец какой-то пошел у нас нынче в ход, батюшка! – рассказывал один старик, мировой судья. – И ходит-то он гоголем...

Прежде еще стыдился немного... Бывало, все в клубе знали, что цена этому проходимцу – грош и что за два двугривенных он родителей слопаёт, а нынче, смотришь, он еще ораторствует, при случае, насчет всяких основ... о благородстве чувств распинается... Да вот, недалеко ходить за примерами... Был у нас в уезде один такой человек... За воровство, за доносы и всякие беззакония был он выгнан из службы и жил себе, притаившись, как паршивая собака... Мы, провинциалы, небрезгливый народ, а и то брезгали этим субъектом... Он даже в обществе не смел показываться... А теперь, – как бы вы думали? – проповедует «сильную власть» в качестве станового... Сколько пакостей понаделал в уезде – просто беда! Чуть что, сейчас в государственной измене обвинит... Поди, доказывай, что врет.

– Тоже и у нас попадаются-таки человечки, – сказал в свою очередь купец из Елабуги.

– Ну, и у нас на этот счет нельзя пожаловаться! – заметил екатеринбургский обыватель.

И пошли все те же, давно набившие оскомину, рассказы о разных, более или менее

возмутительных случаях насилия, вымогательства, халатности, причем все это рассказывалось, в большинстве случаев, с тою примесью специально русского добродушия, которое считается одною из наших добродетелей. На первом плане стояла, так сказать, фабула. Рассказчика не столько возмущало, что человек без всякой нужды теснит другого, сколько интересовал самый процесс прижимки. И если при этом «герой» пакости отличается смелостью и находчивостью, то в рассказах даже проскакивала нотка некоторого восхищения, как это он ловко утеснил одного, ограбил другого, провел третьего... В таких приятных воспоминаниях коротали пассажиры второго класса свое время. Винта, к удивлению, не было.

А пароход шел да шел. На другой день мы уже вошли в Каму с ее обрывистыми берегами. На Каме плавание представляло менее шансов для приключения. Пароходы и барки встречались реже, и следовательно оставались только мели; но, по случаю половодья, и эта опасность не представлялась возможною. Пассажиров все прибавлялось, преимуще-

ственно палубных пассажиров, хотя и без того палуба была набита битком. Интересно было наблюдать, как пароходное начальство торгуется с пассажирами. На одной из пристаней стояла артель. Это были вятские мужики, сплавившие гонки сверху и возвращающиеся теперь назад. Один из них выступил вперед и спросил о цене.

– Три рубля с человека, – ответил с искусственной небрежностью помощник капитана, нарочно делая вид, что нисколько не интересуется этими пассажирами, и искоса поглядывая на артель в двадцать человек.

– По рублику с человека взяли бы, ваша милость!

Помощник капитана презрительно фыркает и нарочно дает первый свисток, думая, вероятно, этим маневром подействовать на мужиков. В артели происходит совещание.

– Рубль с четвертаком возьмешь?

Помощник капитана не отвечает и через минуту дает второй свисток.

В артели легкое волнение. Снова совещаются.

– Так и быть, по полтора дадим.

– И по два с полтиной дадите, – замечает с усмешкой помощник капитана и прибавляет, – вы, ребята, смотри скорей, сейчас отвал, вас ждать не будем.

И с этими словами он снова подходит к свистку, бросая однако зоркий взгляд на мужиков.

Снова совещание. По-видимому, там решено не отступать.

– Больше не дадим, – замечает артель. – Дождемся другого парохода.

Раздается третий свисток. Артель отходит в сторону.

– Ну уж бог с вами, ступай брать билеты.

Артель идет на пароход, который еще стоит на пристани минут 10 после третьего свистка. Эти свистки были не более как маневр, часто практикуемый на волжских пароходах.

Приключений больше никаких не было, если не считать за приключения две-три остановки по случаю поломки машины и долгую остановку на одной из пристаней, вследствие полученной телеграммы перевести буфет с нашего парохода на встречный пароход

того же хозяина, а буфет с того парохода – на наш. Благодаря такому распоряжению, два парохода совершенно напрасно простояли у пристани три часа, пока происходила переноска буфета, и в этот вечерний час, когда обыкновенно все пьют чай, нельзя было добиться кипятку и чего-нибудь съедобного.

На четвертый день пароход пришел в Пермь, вместо раннего утра, в первом часу дня, но это, впрочем, не смутило пассажиров, следующих далее, так как пассажирский поезд из Перми выходит по вечерам. Остаться же целый день в этой бывшей столице золотопромышленников, горных инженеров дореформенного времени, где прежде было сосредоточено управление заводами и где теперь царствует мерзость запустения, с пустыми барскими хоромами, в виде памятников прежнего величия, не было никакой нужды.

Заглянув в этот мертвый город и не встретив в нем в пятом часу дня буквально ни души, мы вернулись на вокзал, и в семь часов вечера поезд отошел в Екатеринбург. Из окон вагонов мы видели далекую синеву Уральских гор, перед нами мелькали знаменитые

когда-то заводы, гремевшие в старое время баснословными пирами и баснословными беззакониями управителей, и незаметно перевалили хребет, очутившись географически в Азии. Я говорю «географически» потому, что близость Азии и азиатских нравов начала сказываться гораздо раньше географической границы.

К вечеру мы были в Екатеринбурге. Тут уже прекращаются всякие цивилизованные пути сообщения, и нам предстояло сделать триста верст по знаменитому, так называемому пермскому тракту.

IX

Эту «прелестную», по словам петербургских сибиряков, дорогу забыть невозможно. Казалось, что трудно себе представить худшие дороги на свете, но более нас опытные путешественники рассказывали потом, что есть дороги и хуже пермского тракта; это – так называемый иркутский тракт между Томском и Иркутском.

Из Екатеринбурга мы выехали целою компанией. К нам присоединился еще один спутник, ехавший с своим многочисленным семейством из Петербурга на Амур. С ним мы познакомились еще на пароходе.

Это был крайне милый и обязательный человек, оказавший нам немало услуг в путешествии и познакомивший нас заранее со многими особенностями сибирской жизни. Хотя сам он был сибиряк, но не из тех, которые во что бы то ни стало нахваливают свое болото. Он проучительствовал несколько лет в Петербурге, бросивши любимое им дело по причинам, от него не зависящим, и ехал теперь в качестве техника в амурскую тайгу на при-

иск. Ехал он скрепя сердце и только потому, что надеялся, что на прииске, куда он был приглашен, управляющий относительно порядочный человек, и следовательно ему не придется быть свидетелем тех классических безобразий, которые вообще творятся на приисках. А что там творится, про то он знал, так как раньше имел случай служить на одном из приисков. Творится, в самом деле, нечто невероятное: эксплуатация людей доходит до последнего предела. Управители – в большинстве из приказчиков, люди без всякого образования – бесконтрольные вершители судьбы человеческой. Грабеж феноменальный. Произвол возмутительный. Личность человека так же мало ценится, как в каком-нибудь негритянском государстве. Не удивительно, что и приисковые рабочие, наполовину из беглых или беспаспортные, пользуются отчаянною репутацией по всей Сибири и развращают ближайшие к приискам селения. По словам знающих это дело людей, в таких селениях трудно встретить девочку тринадцати лет уже не развращенною...

Правительственный контроль и полицей-

ская власть на приисках представляются горными исправниками. Жалованья они получают рублей четыреста в год и с приисков маленькое дополнение в виде нескольких десятков тысяч. Понятно, что эти господа, набранные с борка да с сосенки, часто люди едва грамотные, с нравственностью более чем сомнительною, держат всегда сторону хозяев и в случае каких-нибудь недоразумений между рабочими и приисковою администрацией решают их обычным сибирским средством – нещадною поркой...

– Есть такие горные исправники, что по несколько лет сами находятся под следствием, – рассказывал мне, между прочим, мой спутник сибиряк. – Я знал одного такого. Благодаря его истязаниям двое рабочих умерли... Кажется, он и до сих пор благополучно исправником... Денег у него много... Следствие можно тянуть без конца... Это в Сибири – обыкновенная история. А жаловаться некому... Да и к кому пойдет жаловаться какой-нибудь бродяга?

Наш спутник еще в Екатеринбурге учил нас, как надо прессоваться в тарантасах, кото-

рые мы достали в конторе г.Михайлова, заплатив по двенадцати рублей за проезд.

В 1 часу дня наш караван двинулся. С первой же станции пошла убийственная дорога: или выбоина, или непролазная грязь в виде месива, по которому лошади ступали шагом, и наши колымаги ныряли словно в волнах. В тарантасах ночью температура была африканская, а в телегах холод убийственный. Где было лучше – в тарантасах или телегах – решить трудно. В тарантасах – были целы бока, а у нас хотя бока были избиты, но мы, по крайней мере, знали, где мы и что мы, и в беседе с ямщиками коротали время дороги.

Теперь, ввиду скорого окончания железной дороги от Екатеринбурга до Тюмени [57], тракт закрывается и, разумеется, содержится еще хуже прежнего. И станции, и лошади, и экипажи – безобразны. Есть, конечно, несколько хороших лошадей для проездов «особ»; но к услугам обыкновенных проезжающих лошади скверные. Разгон на этом тракте огромный.

Уж я не знаю, к счастью или к несчастью, но нам на станциях давали, вместо лошадей,

отчаянных кляч, которые покорно выносят удары кнута, пускаясь в отваге отчаяния вскачь, и если их не хлещут, то плетутся шажком, опустив свои головы. И гнать-то их было совестно, тем более, что по этой адской дороге мало-мальски скорая езда заставляла со страхом смотреть на тарантас и опасаться, доедут ли они, или не доедут; ну, и за внутренности было страшно. И мы плелись все время шагом.

И ямщики нам попадались все какие-то убогие – то слишком ветхие, то, напротив, совсем ребята. На одной из станции нам даже предложили в ямщики к переднему Ноеву ковчегу, где помещалось семейство сибиряка, мальчонку лет десяти, который утешал испугавшихся было дам Ноева ковчега, что ему не впервой возить. Нам давали кляч и малолеток вместо ямщиков потому, что впереди нас ехал генерал-губернатор, и для него, разумеется, были оставлены самые лучшие лошади и самые представительные ямщики.

Уже на второй день нашего путешествия нам стали попадаться навстречу одинокие путники, пробиравшиеся по зеленеющему ле-

су с котомками на плечах.

– Ишь, по кормовые пошел, – заметил старик ямщик, указывая кнутом в сторону.

Я не понимал, что он хотел сказать, и спросил объяснения. Оказалось, что так подсмеиваются над беглыми, намекая этим, что они будут пойманы и снова возвратятся в Сибирь, но уже по этапу, получая кормовые деньги.

– А много здесь ходит беглых?

– Целыми косяками иной раз ходят, да только ловят их часто, – отвечал ямщик. – Как весна, смотришь, и выходит он, как зверь, из норы. По весне каждую тварь к воле тянет...

Погода стояла дождливая и холодная. Май месяц глядел сентябрем. Мы ехали день и ночь, боясь опоздать к тюменскому пароходу и напуганные рассказами о том, что по дорогам пошаливают, и поэтому по ночам старались не спать.

Наступила вторая ночь – темная, дождливая сибирская ночь. Тихо плелись мы по грязи, среди гудящего леса. И ямщики и седоки в тарантасах дремали. Лошади лениво, еле-еле ступали по вязкой грязи. Навстречу изредка попадались длинные обозы. Это везли кях-

тинский чай к нижегородской ярмарке. Наконец занялась заря, и мрак ночи рассеялся. Мы начали дремать.

Вдруг наша тройка пугливо шарахнулась в сторону, и ямщик остановил лошадей, крикнув передним ямщикам остановиться.

Мы вышли из телеги и со спутником подошли к ямщикам.

У самого края дороги лежала фигура человека, покрытого зипуном.

Ямщики молча потрогивали его кнутовищами и тихо покачивали головами.

– Должно, мертвый! – проговорил один из них.

Никто не решался удостовериться в этом. Все как-то брезгливо сторонились от лежавшего человека.

Мы со спутником отдернули зипун и при слабом свете рассвета увидели безжизненное лицо старого мертвеца. У виска, около шапки, видна была запекшаяся кровь. Тело его хотя и было холодно, но еще не окостенело. По всему видно, что смерть произошла недавно. Мы снова накрыли его и молча разошлись.

– Смотри, на станции не болтай, – прогово-

рил один из ямщиков, обращаясь к другим.

Кто был этот старик, брошенный у дороги, – бродяга ли, мирный ли крестьянин, убитый кем-нибудь, кто знает?

– Должно быть, жиган, – сказал нам ямщик, садясь на облучок, – верно, обозники прикончили.

Могло и это быть. Подобные случаи не редкость по сибирским дорогам. Между бродягами и обозниками давно уже идет война не на живот, а на смерть. Эти рыцари больших сибирских дорог, собравшись шайкой, выезжают на тракт и сторожат обозы с товарами. Ночью, когда возчики спят, они набрасывают нечто вроде мексиканских лассо, с крючьями на концах, на лошадей и отбивают обозы с товарами.

Такие же точно лассо употребляются и в городах с целью грабежа. Даже в таком относительно большом городе, как Томск, такие факты не редкость. Грабители выезжают в кошеве [58] и, завидя где-нибудь в глухой улице путника, набрасывают на него аркан, тащат его за собой за город и там грабят. Хроники сибирских газет полны описанием таких про-

исшествий, остающихся в массе случаев нераскрытыми. Одно время в Томске была настоящая паника. По вечерам не выходили из квартир и даже днем не выходили без револьверов. В одну неделю были раскуплены все револьверы в лавках.

«Караул, грабят!» – так начиналась передовая статья одной местной газеты, и в хронике того же номера сообщался ряд происшествий за неделю, напоминающих несколько о жизни в американских прериях в куперовские времена. [59]

Я слышал целые легенды про заседателей, прикрывающих убийц, про частных приставов, устраивающих, в негласной компании с ворами, грабежи лавок и домов, про исправников, которым осторожные фальшивые монетки сбывали фальшивые деньги. Ворованные вещи часто являются во владении охранителей безопасности и при следствиях они же помогают попавшимся давать показания. Бродяги, скопляющиеся в городах, являются одною из доходных статей, пополняя цифру крошечного жалованья, получаемого полицейскими агентами в Сибири. Началь-

ство прикажет устроить облаву, – бродяги своевременно предупреждены, и в руки полиции попадают все люди с паспортами, которые, просидев ночь в каталажке и заплатив по рублю, выпускаются.

На сибирских «вечерах», между винтом и закуской, разговоры всегда ведутся на эту благодарную тему, и рассказы неистощимые.

– Обокрали меня года четыре тому назад, – рассказывал один томский обыватель, – и в числе украденных вещей были отличные настенные часы. Прошел год, о вещах не было ни слуху ни духу. Вдруг вижу: подъезжают к моему дому полицейский чин с каким-то субъектом. Впускаю, спрашиваю, что угодно. Оказывается, что полицейский чин приехал предложить мне некоторую сделку – вернуть мои часы, украденные привезенным им с собою субъектом, а я за это должен помочь ему в одном деле, бывшем у него в думе. Я отказался от этой чести и даже от часов, но полицейский все-таки великодушно возвратил мне часы.

– Пропало у нас в конторе ружье, – начал, в свою очередь, инженер.

– И ружье это оказалось потом в полиции, – перебили его.

И все в таком роде...

Вот она какова, эта дореформенная Аркадия!

Высшие представители администрации бессильны прекратить подобное положение дел, даже при добром желании. На место выгнанного Иванова является такой же Петров. И этот Иванов, уволенный из одной губернии, едет в другую и там получает место, тем более, что места могут быть прямо куплены при посредстве такого же Иванова или Петрова, сидящего в канцелярии.

Все это, разумеется, известно и высшей администрации из отчетов, представляемых местными губернаторами. Отчеты эти рисуют нередко мрачную картину – положение Сибири... И сибиряки ждут не дождутся реформ, которые бы сравняли далекую окраину с остальными русскими губерниями.

Х

Вот она наконец и граница Сибири. Два столба, один каменный, другой деревянный, с гербом Тобольской губернии, указывают въезд в страну, «где мрак и холод круглый год». [60] Надписи на столбе подчас трогательные, но не имеют, однако, безотрадности надписи над Дантовым адом: «Оставь надежды навсегда». [61] Напротив, юмор русского народа выразился и в этих, иногда своеобразных надписях: «Поминай как звали». «Кланяйся в Нерчинске товарищам». «Ищи ветра в поле». «До свидания, Сибирь-матушка!» и тому подобн. Есть и нацарапанные стихотворные произведения, и в них юмористика преобладает над лиризмом.

Солнце ласково греет сверху, освещая зеленеющие, по бокам дороги, густые, болотистые леса. Дорога делается еще убийственнее, лошади ступают буквально шагом, с трудом вывозя тарантасы и телеги из непролазной грязи. К 11 часам утра мы добрались до села Успенского, предпоследней станции перед Тюменью, села замечательного тем, что по-

что все население занимается кустарным производством так называемых тюменских ковров. Ковры эти весьма недурны и дешевы, только краски и узоры их весьма безвкусны. Они распространены по всей Сибири, и значительная часть их идет в Петербург и Москву.

Вид этого большого сибирского села невольно поражает человека, привыкшего видеть убогие, черные русские деревни. Постройка грубая, аляповатая, но прочная. На лицах мужиков нет той забитости, которую вы встретите в России; видно, что материальное благосостояние их лучше.

До Тюмени оставалось тридцать верст, которые мы проехали в шесть часов. Усталые, разбитые, грязные, увидали мы наконец Тюмень, первый сибирский город, разбросанный по оврагам, мрачный, грязный, с огромным белым каменным зданием на въезде. Нужно ли прибавлять, что это был острог?

В гостинице мы несколько пришли в себя после путешествия.

Пообедав, я отправился поскорее на пристань брать билеты и без труда получил для

себя каюту II класса. Как характеристику нравов, отмечу следующую черточку. Когда я брал билет на пароходной конторке, молодой конторщик обратился ко мне с обычным сибирским вопросом: «чьи вы будете и куда изволите ехать?» С тех пор это сибирское «чьи вы будете» уж не оставит вас нигде, куда бы вы ни зашли: в лавку ли, заговорили ли с пассажиром, после первых слов вам неизменно зададут этот вопрос.

На пароходе уже толпились переселенцы. Пароход производил впечатление весьма уютное, каюты были чисты, и цена за девять дней пути относительно недорога (за место II класса 14 руб., а за семейную каюту – по числу мест – по 16 руб. за место).

Хотя Тюмень – один из очень старых сибирских городов (основан в 1586 году), жителей в нем, по суворинскому календарю, считается около 16 тысяч человек и, как перевалочный пункт, он имеет известное значение, тем не менее никакой привлекательности не представляет. Деревянные низенькие дома, широкие пустыри, грязные и безлюдные улицы. Тюмень – главный пункт рассылки аре-

стантов по дальнейшим местам. Здесь находится главная экспедиция о ссыльных. Здесь, в Тюмени, все уголовные арестанты распределяются по всем местам Сибири и отправляются партиями. Наплыв арестантов бывает так велик, что буквально и острог и пересыльная тюрьма переполнены. Вследствие такой скученности тиф и другие болезни, разумеется, косят людей.

Не одна, впрочем, Тюмень отличается такими тюрьмами. По словам официальных отчетов и рассказов знающих дело людей, тюрьмы в Сибири и этапы представляют собою нечто невообразимое. Трудно изобразить словами весь ужас положения людей, скученных в небольших пространствах огромными массами. В Томске, например, дело доходило до того, что тифозных больных, за недостатком места, клали целыми рядами на полу, и смертность доходила до поражающей цифры. Что же касается этапов, то они буквально представляют собой клоповники, и еще недавно высшее местное начальство предписывало циркуляром обратить внимание на содержание их в исправном виде.

Но циркуляры – циркулярами, а жизнь – жизнью, и побывавшие на этапах рассказывают про них просто невероятные вещи. В крошечном помещении скучиваются вповалку мужчины, женщины и дети, и их на ночь запирают. Что происходит там, об этом лучше не рассказывать.

Пароход отправлялся в два часа ночи. В десятом часу мы уже были на пароходе и уложили детей спать. Наш добрый гений, спутник-сибиряк, советовал мне заготовить кое-какую провизию на дорогу и, главное, хлебом, так как на пароходе все дорого, а иногда и просто бывает нельзя достать. Я поспешил отправиться снова в город. Город уже спал, только в некоторых домах светились огоньки. Стоял чудный, тихий вечер. Невольная тоска охватила меня, когда я проезжал по этим глухим, пустым, угрюмым улицам. Каково же живется человеку, не привыкшему еще напиваться с утра, в каком-нибудь еще более глухом захолустье, вроде Нарыма или Виллюй-ска?

Невольно припомнились стихи поэта:

Да... страшный край... Оттуда

*прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной. [62]*

– Вот тут у полек хорошие булки, – прервал мои размышления извозчик, останавливаясь у маленькой двери, над которой была какая-то вывеска.

Я вошел в крошечную комнатку, слабо освещенную тусклым светом крошечной лампы. На прилавке лежали булки и разные печенья, и в комнатке пахло свежим хлебом.

Из-за ситцевой занавески вышла сморщенная, худенькая, маленькая старушка и необыкновенно вежливо и деликатно спросила:

– Что пану угодно?

Она была одета в каком-то затрапезном платье, в разорванной кацавейке, но что-то и в манере и в выражении этого худенького лица, со слезящимися глазами, говорило, что эта старушка знала когда-то лучшие времена. В лице ее точно замерла какая-то старая, покорная скорбь. Я не сомневался, что передо мной была женщина, принадлежавшая когда-то к

так называемому обществу.

Мы разговорились. Скоро из-за занавески вышла другая старушка: высокая, сухая, крепкая, с более энергичным выражением лица. Это была ее младшая сестра.

Их история оказалась очень простою и печальною историей. Они принадлежали к одной из довольно зажиточных польских фамилий, были сосланы на каторгу за восстание в 63-м году [63], имения их были конфискованы, а теперь они, давно прощенные, но всеми забытые, доживали свой печальный век в Тюмени, добывая себе кусок хлеба пекарней.

– Отчего вы давно не вернулись домой? – спросил я.

Ответ обычный: вернуться дорого. Тем не менее они не теряют надежды умереть на родине.

– Мы уже давно собираемся, – заметила младшая сестра, – и в прошлом году чуть было не уехали, да вот сестра заболела. Мы до сих пор не привыкли к здешнему климату, хотя должны были бы ко всему привыкнуть в 20 лет, – прибавила она, улыбаясь скорбною улыбкой. – Бог даст, еще вернемся и умрем на

родине.

– Родные ваши живы?

– Почти никого нет.

– Да, всего пришлось испытать, – заговорила опять маленькая, сморщенная старушка и вздохнула.

– Этой жизни не забудешь! – прибавила младшая сестра.

Я пожелал им поскорей вернуться на родину, и мы распрощались.

Мой возница, тоже из ссыльных, попавший из Курской губернии в Сибирь, как он объяснил, «за то, что любил чужих лошадей», и давно уже имевший право возвратиться в Россию, очень хвалил этих старушек-полек.

– Тихие, аккуратные старушки, – говорил он.

Впоследствии мне часто приходилось встречать поляков, сосланных сюда за польское восстание и оставшихся в Сибири. Большая часть из них занимаются торговлей, ремеслами, содержат кабаки, некоторые находятся на службе. Вообще они как-то лучше русских умеют устраиваться, именно потому, что не брезгуют никакими занятиями.

Большинство же остальных ссыльных обречено почти что на нищету. Достать им какие-либо занятия, без помощи администрации, трудно; да и какие занятия могут быть в какой-нибудь сибирской дыре или в якутских улусах [64]? В больших городах, где могли бы найтись занятия, дают их неохотно, боясь, как взглянет на это местная администрация. Правительство выдает в пособие политическим ссыльным по шести рублей [65] на человека и таким образом избавляет многих буквально от голодной смерти.

XI

Пароход «Рейтерн» [66], на котором нам пришлось совершить девятидневное путешествие, проплыв более 2000 верст по Туре, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи, приятно порадовал своим необыкновенно нарядным, праздничным видом.

Не особенно изящно скроенный, но крепко сшитый, он сиял чистотой. Все было подкрашено и подчищено. Довольно вместительные семейные каюты были прибраны с особенною тщательностью, и на диванах белели новые коленкоровые чехлы. Лоцмана, матросы и официанты щеголяли свежими костюмами. Пароходное начальство несколько волновалось. Сумрачный на вид капитан, пожилой молчаливый пермяк, большую часть времени стоял на площадке с торжественно-озабоченным видом, а его помощник, сухопарый молодой человек, в начале рейса просто-таки метался, изнывая в заботах о чистоте и порядке. Палубу подметали часто, слишком даже часто, в ущерб спокойствию палубных пассажиров. Переселенцы были скучены относительно

но с большим удобством, чем на пермском пароходе, и к переселенцам относились с некоторою внимательностью, по крайней мере к тем из них, которые поместились ближе к рубке I класса, на которую часто устремлялись тревожные взоры молчаливого капитана.

Не торопитесь однако обобщать факты и, собираясь в Сибирь, не рассчитывайте на подобную счастливую случайность. Вы можете рассчитывать на большую безопасность плавания по большим, пустынным сибирским рекам, чем по бойкой Волге, так как судоходство здесь в зачаточном состоянии и столкнуться не с кем. Что же касается порядка, удобств и чистоты, то сибирские пароходы ими не отличаются и, вообще говоря, содержатся не лучше волжских пароходов средней руки. Если же в этот рейс пароход удивлял не совсем обыкновенным порядком, то и причина этому была не совсем обыкновенная: в числе пассажиров находился новый генерал-губернатор Восточной Сибири, граф Игнатьев [67], ехавший с семейством и несколькими лицами свиты к месту своего назначения.

Путешествовать по почтовым сибирским дорогам вслед за высокопоставленными лицами, как пришлось нам, не рекомендую никому, даже человеку, обладающему воловьим терпением и ослиною выносливостью. Вам придется либо изнывать на станциях, выслушивая философские сентенции зрителей, либо, после самых энергичных настояний, получать, вместо хваленых «сибирских лошадок», некоторое их подобие, в виде невозможных ободранных кляч, а вместо ямщиков — несносных стариков или крошек-младенцев, невольно внушающих сомнение.

Но зато путешествовать по железным дорогам или на пароходах одновременно с сановными пассажирами несравненно удобнее, чем без них. Удобства и внимательность, предназначенные специально таким путешественникам, косвенно отражаются и на остальных, а главное, вы более гарантированы в благополучном исходе путешествия. Вот почему я, по крайней мере, бываю доволен, когда судьба посылает на поезд какого-нибудь путешествующего сановника. Тогда я спокойно сажусь в вагон, уверенный, что,

благодаря такому соседству, поезду труднее сойти с рельсов, запоздать в пути, – словом, подвергнуться приключению, ибо хорошо знаю, что благополучие сановитых путешественников, – разумеется, находящихся у дел, – охраняется с большею бдительностью и с сугубым усердием, чем благополучие обыкновенных смертных, и следовательно шансов на всякую «кукуевку» значительно меньше.

Хотя граф и держал себя с скромною простотой, приятно дивившей пассажиров-сибиряков, привыкших более к грозному величию старинных сибирских «вице-роев», о недоступности которых до сих пор ходят легендарные подробности, и отклонял всякие официальные встречи, но это, разумеется, не мешало даже и неподчиненным сибирским чиновникам волноваться и трепетать.

Такие проезжающие ведь не особенно часты в здешних палестинах.

Наибольшим подъемом духа и наибольшим страхом за целостность своей шкуры проникаются в таких случаях, разумеется, второстепенные служебные агенты и главным образом господ исправники и заседатели, до сих

пор сохранившие здесь складку, обличье и вкусы дореформенных Держиморд и знающие за собой немало уголовных грехов, помимо повального здесь греха – взяточничества. Греховодники покрупней, разные матерые юсы, заведующие частями, и советники, игравшие при «старой метле» роль негласных «серых эминенций» [68], несмотря на наружную бодрость, тоже не без тайного страха ждут «новой метлы», особенно если слухи о ней благоприятные. В тиши своих пропитанных беззакониями и кляузами канцелярий они готовятся к приезду, деятельно припрятывают не только концы, но, случается, и целые громадные дела, благо прожорливость сибирских крыс или внезапный внутренний пожар сослуживали не раз добрую службу. [69] Одним словом, волнение в крае необычайное. Чиновники мнутя словно тараканы, внезапно застигнутые светом. Исправники и заседатели, эти первые образчики «административного товара», с которым приходится знакомиться приезжему, охваченные нередко буквальным трепетом, простирают усердие при встречах до геркулесовых стол-

бов раболепия и глупости. Часто, по собственному вдохновению, не дожидаясь соответствующей бумажки, они стоняют целые деревни на починку тракта, отрывая массы людей от спешных работ, и прибегают к самым отчаянным мерам устрашения в случае ропота и протеста. И они положительно замирают в благоговейном недоумении, когда, вместо благодарности за такое внимание к высокому путешественнику, вдруг, совершенно неожиданно, получают в более или менее приличной петербургской форме «дурака», наводящего, однако, большую панику, чем откровенный «мерзавец!» разгневанного генерала старых времен.

За что? Почему?

Этот бедный дореформенный «дурак» – весьма неглупый, заметьте, во всем, что касается обдελывания своих делишек, привыкший думать, что «управлять» значит наводить трепет и вымогать, – еще не настолько выдрессирован, чтоб обладать хорошим верхним чутьем столичного чиновника, умеющего приспособляться в каждый данный момент, и потому всякого высшего начальника

меряет на один и тот же сибирский шаблон, выработавшийся еще со времен Пестеля и Трескина [70]. Он боится начальства, как дикарь стихийной силы, и в то же время смотрит на него с наивною оскорбительностью, предполагающею, что у каждого сановника совсем особенные глаза, неспособные видеть предметы в их подлинности, и совсем особенные уши, до слуха которых, сквозь гул колокольного звона, «уры» и бесшабашного общего вранья о благополучии, не донесутся обывательские жалобы. Хотя он и смекает, что в последнее время и по ту сторону Урала приподнят дух исправников, но все-таки разнообразных оттенков новейших веяний различить не может; нередко едва грамотный – газет он, понимает, не читает – и предполагая, что сибирские порядки вполне соответствуют новейшему «поднятию духа», не догадывается, что в Петербурге мужичок до известной степени в моде и что приезжие могут так или иначе заинтересоваться тем самым мужичком, которого он, в качестве первобытного Держиморды, привык обрабатывать, по сибирской простоте, без всякого любезного заиг-

рывания.

В Сибири, где административная власть функционирует с большим простором, с большею независимостью, чем в губерниях, имеющих земство и гласный суд, и где обыватель привык считать закон писанным не для него, проезд нового генерал-губернатора будит во всех классах населения новые надежды. Каждый припоминает обиды и несправедливости и каждый простодушно уверен, что в руках такого властного и могущественного лица есть тот магический талисман, который восстановит правду, утрет слезы и превратит маленького сатрапчика в скромного общественного слугу. И если стоустая молва донесет известия, что «новый» доступен и добр, то такого «доброего» ждут в каждом уголке Сибири, как Мессию, повторяя с трогательным оптимизмом слова некрасовской Ненилы: «Вот приедет барин!» [71]

Буквально целые толпы народа идут на встречу такого доброго начальника. В каждом захолустье готовятся жалобные прошения. Жалобы эти – все те же, которые приносились сибиряками с тех самых пор, как существует

Сибирь: это жалобы на самовластие, произвол и грабительство местных агентов. Разница между старыми временами и нынешними только та, что нынче можно жаловаться на исправников без риска очутиться в кандалах или быть сосланным в какую-нибудь архисибирскую труппу, как прежде, и подвиги, вроде подвига известного в сибирских летописях мещанина Саламатова [72], уже не нужны.

«Какою волшебною силой человек, брошенный сюда, мог вступить в борьбу со всеми почти чиновниками, со всем почти составом управления, мог один обуздать известные сибирские дерзости, обнаружить злоупотребления, потрясти фортуны и ниспровергнуть целую систему связей твердых, обдуманых и привычкою скрепленных? Мы не в том веке живем, и Сибирь – не тот край, где бы истина могла произвести сии явления! Как я могу управлять без моральной власти? Скажут: законами, как будто существуют законы в Сибири, всегда управляемой самовластием.

Я называю бедствием поверхностное отправление текущих дел, и терпимость беспо-

рядка, и злоупотребления. Я мог их остано-
вить, но не истребить; их порядок управле-
ния, краю сему не свойственный, остается тот
же; исправлять я его не могу; люди остаются
те же, переменить их некем. Я не могу даже
дать движения суду над ними, ибо те, кои
должны судить, сами подлежат суду по дру-
гим делам подобным. Людей, отрешенных в
одном уезде или в одной губернии, принуж-
ден употреблять в другой».

Так жаловался в своих сибирских письмах
Сперанский [73], и такие же сетования повто-
рялись и повторяются лучшими администра-
тивными деятелями Сибири.

Таким образом и теперь, как пятьдесят лет
тому назад, вырисовывается с достаточною
выпуклостью неизменное, при известных
условиях, явление: трагическое бессилие са-
мой, по-видимому, широкой власти.

Представителям ее, в лучшем случае, оста-
ется заниматься только поверхностным от-
правлением дел, и Сибирь, с ее «классически-
ми дерзостями» и безобразиями архаических
времен, служит внушительною иллюстраци-
ей к воплям журнальных реакционеров, ри-

сующих дореформенные порядки в идеальном свете.

«На всякое зло у меня развязаны руки, а на добро я бессилён!» – писал в 20-х годах немец Руперт [74], управлявший Камчаткой.

То же сознают и теперь умные сибирские администраторы и, пожив в Сибири год-другой, бегут из нее, убеждаясь в своей бессилии что-нибудь сделать при порядке управления, краю сему не свойственном, по выражению Сперанского.

XII

Постукивая с однообразною равномерно-стью машиной, «Рейтерн» ходко шел вперед, делая верст по 15 в час. Не надо было и выбирать фарватера, — иди, где хочешь, полным ходом по широким, многоводным сибирским рекам, особенно в начале лета, когда большая вода затопляет лесистые берега, оставляя на поверхности свежую молодую зелень тальника и ивы.

В некотором расстоянии за пароходом, на крепком, натянувшемся буксире, буравя и вспенивая острым носом воду, двигалась длинная, черная, мрачная арестантская баржа. Она казалась безлюдною на вид. На палубе, кроме рулевых да часового с ружьем, ни души. Многочисленные невольные пассажиры этого плавучего «мертвого дома», заключенные в тесном, душном пространстве под палубой, могли смотреть на кудрявые берега лишь в небольшие окошечки с железными решетками, пропускавшие мало воздуха и света...

А погода была хорошая... Солнце грело по-

летнему, манило к простору и воле, и, вероятно, не один арестант мечтал в это время о побеге.

Первые дни берега рек, по которым мы плыли, давали по временам красивые пейзажи: особенно хорош был Иртыш со своим утесистым правым берегом, покрытым густым лесом. И пустынное безлюдье не охватывало тоской. Нет-нет да вдруг и покажется на берегу либо русская деревня с церковью, либо татарская с покривившимся минаретом, либо редкие еще здесь убогие остяцкие юрты.

Эти татарские деревеньки вместе с часто попадающимися береговыми курганами — остатки когда-то грозного и могучего мусульманского царства [75], бывшего на берегах Туры и Тобола... С каждым годом татарское население, говорят, уменьшается, постепенно вымирая. Теперь в Тюменском округе татар не более трех тысяч; живут они рыболовством, извозом, ямскою гоньбой; хлебопашеством занимаются мало.

Через сутки с небольшим, ранним утром, пароход подходил к Тобольску, единственному сколько-нибудь населенному городу на

всем громадном расстоянии между Тюменью и Томском. За Тобольском вскоре начинается безлюдный, пустынный приобский край, теряющийся в тундрах Ледовитого океана; деревни и юрты будут попадаться все реже, а два попутные городка, Сургут и Нарым, брошенные в этой неприветной и мрачной пустыне, – захолустные сибирские дыры, называемые городами единственно потому, что в них живут исправники.

Расположенный на правом нагорном берегу Иртыша, Тобольск издали казался красивым, чистеньким городком, но эта иллюзия тотчас же рассеялась, лишь только пароход подошел к городу. Пароход должен был простоять в Тобольске около двух часов – принять запас дров и партию арестантов на баржу, и я воспользовался этим временем, чтобы сделать кое-какие закупки по части провизии (опытные люди предупреждали, что в буфете на сибирском пароходе в конце рейса иногда ничего нельзя получить), наскоро осмотреть старинный сибирский город, считающий свое существование с 1587 года, и взглянуть на памятник Ермаку, на кремль, построенный

пленными шведами, и на пресловутый «ссылный колокол» – на эти три единственные достопримечательности города, показать которые наперерыв предлагали извозчики, приехавшие к пристани в ожидании любопытных туристов. Почти все извозчики были евреи. Меня поразило это обстоятельство. Оказалось, что в Тобольске особенно много ссыльных евреев, и они, в числе прочих занятий, занимаются и извозом. Мой возница, молодой, рыжеволосый, с типичной физиономией еврей, объяснил мне, что отец его был сослан, и с тех пор вся их семья живет здесь.

– Хорошо здесь жить?

– Какое житье! Город бедный... Только и есть, что чиновники да несколько купцов побогаче, а то все голье...

– Чем же занимаются еще евреи?

– А всем, чем придется. У кого мастерство, кто в извозчиках, кто на базаре всяким «брахлом» маклачит, кто при случае и жиганит... У которых деньги есть, под заклад дают, только денежных людей мало... Вовсе плохое здесь житье! В России, говорят, лучше...

Часа было совершенно достаточно, чтоб

осмотреть этот неказистый, мертвенный и унылый сибирский город, когда-то называвшийся столицей Сибири и долгое время бывший резиденцией воевод, наместников и генерал-губернаторов. Любой из русских губернских городов – куда лучше. Особенно убога нижняя, подгорная часть города, расположенная в болотистой местности, среди тинистых речонок, и заливаемая нередко Иртышом. Тут, среди сырости и вони от сваленного навоза, редко встретишь сколько-нибудь изрядные дома. В неказистых домишках и покосившихся лачугах ютится беднейшая часть населения: коренные обитатели – мещане, мелкие чиновники, евреи. В этой же части города помещаются и учебные заведения.

Подпрыгивая, словно по клавишам, по трясущейся бревенчатой мостовой, проложенной на некоторых улицах, наша «гитара» («гитара» – излюбленный экипаж в сибирских городах, где есть извозчики) стала подниматься в гору по широкому ущелью. Слева, на холме, сверкали куполы церквей, белели стены и башни кремля, виднелась красивая арка, а справа – зеленел сад.

Остановились у сада.

Вошли в запущенный городской сад и скоро по аллее дошли до небольшого, не особенно изящного обелиска из серого мрамора. Обошли кругом, прочли надпись: «Ермаку – покорителю Сибири», вспомнили поэтические проклятия Некрасова, обращенные к этому завоевателю Дальнего Востока, пошли из сада и поехали на другую сторону, где на высоком холме расположены присутственные места, кремль, архиерейский дом и несколько частных зданий.

Сооружения кремля, арка, соединяющая их с бывшим губернаторским «дворцом», ныне занятым присутственными местами, и архиерейский дом – вот и все сколько-нибудь заметные постройки, да и этими постройками Тобольск обязан иностранцам – пленным шведам, попавшим в Сибирь. Украшать город заставил их знаменитый даже и в сибирских летописях сатрап-хищник, князь Гагарин [76], окончивший свои дни, как известно, на виселице за беззакония, притеснения, взятки и, как гласит предание, за сепаратистические стремления.

Этот «экземпель», как выразился по поводу казни грозный царь Петр, мало однако принес пользы. Не далее как в 1736 году опять была казнь: казнили Жолобова [77], который «злехитростными вымыслами, из великих себе взяток составил огромное состояние». Затем шел непрерывный ряд подобных же самовластных и грабивших сибирских сатрапов. Князь Гагарин по крайней мере оставил по себе память, как сделавший кое-что для Сибири и особенно для Тобольска. При нем, между прочим, отведено устье Тобола, заведено первая латинская школа, устроен театр.

Вблизи от архиерейского дома находится и другая тобольская достопримечательность – «ссылный колокол», надпись на котором (очевидно, позднего происхождения) гласит, что «сей колокол, в которой били в набат при убиении царевича Дмитрия 1593 года, прислан из Углича в Сибирь».

После «ссылного» колокола осматривать было нечего, и мы поехали к пристани.

У пристани – оживление. Тобольская публика, несмотря на ранний час, собралась поглазеть к пароходу. Несколько полицейских

чинов озабоченно ходили взад и вперед, ожидая возвращения генерал-губернатора из города. Городовые щеголяли в новых мундирах.

По обеим сторонам ближайшей к пристани улицы расположились торговки и торговцы с хлебом, молоком, колбасой, рыбой, и пассажиры гуляли между рядами, запасаясь всяким добром. Находящиеся поблизости лавки и лавчонки гостеприимно раскрывали свои двери.

В двух бакалейных лавках, в которых пришлось побывать, хозяева были поляки. И среди торговавших на улице нередко можно было слышать русский говор с сильным польским акцентом. Это все бывшие политические ссыльные. Сибирь была полна ими после 1863 года: в одном Тобольске, например, было, как мне передавали, свыше трех тысяч ссыльных поляков. Амнистия дала возможность большинству возвратиться на родину, но многие и остались: одни не имели средств вернуться, другие боялись бросить насиженные здесь места. Многие привыкли к краю, обжились в нем, поженились на русских, завелись семьями и теперь служат здесь, ле-

чат, торгуют, занимаются ремеслами, содержат гостиницы, имеют кабаки. В Тобольске, говорят, поляков осталось особенно много.

Купивши консервов нельмы местного производства, польских булок и польских колбас, я возвратился на пароход.

Арестантская баржа, которую мы видели в отдалении, стояла теперь борт о борт с пароходом, в ожидании привода новой партии.

В пространстве между крышей баржи и палубой, огороженном кругом толстою железною решеткой, толпились старики, молодые, женщины, дети. Это пространство, представляя собой громаднх размеров железную клетку, разделялось на несколько отделений; в одном были люди в арестантском костюме и в кандалах, в другом – без кандалов и в своем платье, в третьем были семейные, которых сопровождали жены и дети. Внизу, под палубой, жилое помещение и одиночные камеры. Рубки, расположенные по концам баржи, назначались, как мне объяснили, для привилегированных и для больных. Для политических есть особенное отделение; они были невидимы.

Арестанты стояли и сидели у решетки, глазили на пароход и на «вольных» людей, покупали у торговков хлеб, под наблюдением этапных солдат, шутили, смеялись, громко острили, по временам позвякивая ножными кандалами.

И какое разнообразие племенных типов и лиц собрано было в этой клетке с разных концов России!

Тут и чистокровный, красивый кавказский тип горца, сурово, с надменным спокойствием озирающего своими большими темными глазами публику, и выдавшиеся скулы, узкие разрезы глаз и характерный нос представителя монгольской расы, и мясистые, широкие, добродушные лица великоруссов рядом с застывшею улыбкой на тупой, неподвижной физиономии финской расы, и наконец серьезно-вдумчивое выражение хохла.

Среди всех этих разноплеменных представителей «преступного элемента» бросались прежде всего в глаза типичные, «зверские» лица, с низкими узкими лбами, головами микроцефалов, с тупыми взглядами исподлобья, — лица, напоминавшие первобытного че-

ловека-зверя, дававшие, казалось, богатый материал скорей для психиатров, чем для прокуратуры, пославшей их сюда на новые преступления. Встречались даже характерно отчаянные физиономии, полные бесшабашной, смеющейся удали, – сверкающие взгляды, решительно сжатые губы и сумрачно сдвинутые брови; были и плутовато-умные, юркие глазки на продувных, измятых лицах, напоминающих обитателей трущоб и притонов больших городов. Но большинство, или, по крайней мере, половина всех этих людей, имели самые обыкновенные, нехитрые, простые, нередко добродушные русские лица, с покорным, несколько приниженным, но не унылым выражением, – такие, какие вы встречали на каждом шагу в народе, с тою только разницей, что у всех почти пассажиров баржи был бледно-серый, с землистым оттенком, цвет лица, тот характерный арестантский цвет, который неразлучен с долгим тюремным заключением.

Присутствие баб и детей в семейном отделении несколько смягчало картину людского несчастья. И лица арестантов, бывших в этом

отделении, казались спокойнее и добрее.

Вся обстановка имела смягчающий семейный характер, и если б не вид этой клетки, не эти серые пятна и бледные лица, выделяющиеся среди пестрых цветных сарафанов и более сравнительно здоровых женских и детских лиц, то можно было бы подумать, что идут переселенцы. Мирные сцены здесь напоминали обычные жанровые картинки домашней жизни. Тут смеялись, давали детям подзатыльники, вычесывали им головы, лакомились булками, – словом, жили точно так же, как и на воле. Но именно эта-то семейная обстановка рядом с кандалами, эти беспечные личики крошечных детей, выглядывавших из-за решетки, напоминая о контрастах, производили тяжелое впечатление.

Одна из таких обычных семейных сцен неизгладимо врезалась в моей памяти.

У самой решетки сидел арестант, человек лет тридцати, совсем мужицкой складки, с добрым, простым, ничем не замечательным лицом. Он держал на одной руке мальчугана, любопытно смотрящего на пароход, и о чем-то ему рассказывал, показывая на трубу, из

которой шел легкий дымок. В это время крошка-девочка, сойдя с рук молодой бабенки, подползла к отцу и, весело смеясь, стала теревить отцовские кандалы. Ее, очевидно, забавляли они, но крошечные ручонки были бессильны. И отец, обратив внимание на девочку, стал ее забавлять, позвякивая кандалами. Девочка была в восторге. Арестант, любовно поглядывая на нее, улыбался и снова потряхивал кандалами.

Такие «идиллии» заставляли отворачиваться...

Палубные пассажиры, преимущественно переселенцы, передавали арестантам через этапных солдат копеечки, булки и куски сахара. Кое-кто и из классных пассажиров, предпочтительно женщины, передавали свою лепту. Принимая приношение, арестанты крестились.

Тем временем из города привели партию и стали размещать на барже. Партионный офицер, доктор, этапные солдаты – все были в новеньких мундирчиках, не то что обыкновенно. Скоро партия была размещена, раздались свистки, и пароход отвалил от пристани, на

которой стояла толпа глазевшей публики. Минут через пятнадцать Тобольск скрылся за высоким берегом Иртыша.

По сравнению с другими большими сибирскими реками, Иртыш не особенно широк; зато он глубок и с быстрым течением; ни мелей, ни перекатов на нем нет. Правый его берег, крутой, обрывистый, поднимающийся в некоторых местах до значительной высоты, покрытый зеленью вековых сосен, пихт и елей, густо нависших над рекой, не лишен своеобразной, несколько мрачной красоты дикого величия. Левый берег совсем низкий: затопленный тальник и пески, снова пески и тальник утомляют своим однообразием. Изредка, впрочем, река вдруг врывается в сравнительно узкое пространство крутых, высоких берегов с обеих сторон, но такие места редки.

Песчаный правый берег Иртыша, подвергаясь подмыву, случается, обваливается, и эти обвалы или, как сибиряки говорят, «оползни», падая с грохотом и шумом с высоты в воду, бывают причиной аварий и несчастий. Такое несчастье именно случилось недели за

три до нашего прохода. Верстах в двухстах от устья Иртыша мы видели шкуну, лежавшую беспомощно на боку в песках. Она проходила в версте от правого берега как раз в момент обвала. От падения такой массы земли с вековыми деревьями вода отпрянула от берега, образовав на реке волнение, и настолько сильное, что опрокинуло плоскодонную шкуну, бывшую, вероятно, без надлежащего балласта, отбросив ее к левому берегу. Баржа с грузом, которую вела на буксире шкуна, выдержала волну и осталась невредима. Из экипажа и пассажиров шкуны несколько человек погибли в реке, несколько были изувечены. День спустя после катастрофы, на «Рейтерне», проходившем у этих мест, услышали с берега крики. Пароход остановился и забрал людей, требовавших помощи.

Чем выше поднимался к северу пароход, тем становилось безлюднее и пустынное, Иртыш становился шире, правый его берег понижался. Миновав Самарово, русское село близ устья Иртыша, пароход вошел в Обь, вступив в угрюмую страну таежных тундр и лесов. Мы были в громадной безлюдной пу-

стыне приобского края. Здесь мы поднялись до самого северного пункта нашего путешествия, перевалив за 61° широты, и были, по сибирскому счету расстояний, не очень далеко от Ледовитого океана, который и давал знать о своей близости холодным, суровым дыханием.

Войдя в Обь, мы повернули и пошли вверх по реке, постоянно уклоняясь к юго-востоку.

XIII

Трудно представить себе что-нибудь однообразнее и унылее этой широкой, разлившейся на необозримые пространства реки с ее низкими, затопленными лесистыми берегами. Куда ни взглянешь – все та же беспредельная тайга по обе стороны. Эти тундры тянутся вплоть до Ледовитого океана. Безлюдье полное. Редко-редко встретится маленькая разбросанная кучка убогих остяцких или самоедских юрт, да где-нибудь под берегом промелькнет душегубка-челнок с «печальным пасынком природы» [78] – самоедом или остяком-рыболовом. И опять в течение дня ни одного строения, ни единой души. Тайга да вода, вода да тайга, и масса комаров – «гнуса», как называют их местные жители.

И погода была как раз под стать этой постылой природе. Солнце выглядывало украдкой и грело скупо в начале июня. Мутные свинцовые облака низко повисли над свинцовой рекой. Резкий холодный ветер с близкого севера волновал реку, играя на ней серебристыми барашками, и напевал унылую песню,

качая верхушки прибережных деревьев.

Становилось просто жутко. Тоска неволь-но охватывала приезжего человека. Неужели здесь можно жить?

Живут люди и в этих проклятых местах (есть, впрочем, места еще хуже, поближе к Ле-довитому океану, например, Вилюйск, Верхо-янск). Преимущественно по притокам Оби, близ «урманов» [79], где больше водится зверь, разбросаны редкие селения аборигенов страны, несчастных инородцев. Есть, кроме того, здесь и так называемые административ-ные «центры», в виде отчаянных городишек, брошенных в эти трупоборы. В подобных, неиз-вестно для чего существующих «центрах», вроде Сургута или Нарыма, кроме бурбони-стого исправника или заседателя да двух-трех чиновников, вносящих цвет цивилизации к инородцу посредством взяток, живет несколько сотен обывателей (потомков прежде поселенных казаков) и уголовных ссыльных, десятков рыбопромышленников и скупщиков пушнины – отчаянных грабите-лей-кулаков, содействующих всеми силами вымиранию инородцев и уничтожению зверя

и рыбы, и обязательно несколько человек неуголовных ссыльных. Без десятка-другого таких невольных туристов немыслима никакая сибирская дыра, и чем она трущобистее и отдаленнее, тем больше шансов встретить в ней нескольких подобных молодых людей «без определенных занятий».

Что же они там делают?

Этот вопрос невольно напрашивался после того, как мы миновали Сургут, захолустный городишко, брошенный в обских тундрах (под 61° 14' и 90° 50' долготы) и отрезанный зимой от божьего мира. Об этом «центре» мы слышали от бывавших там людей, самого же его не видали, так как к самому Сургуту, построенному не на Оби, а на притоке ее, речке Бардаковке, пароходы не подходят. Пароходная пристань находится верстах в десяти от городка.

В числе пассажиров нашелся один, который мог дать более или менее обстоятельный ответ на заданный вопрос. Это был господин лет за сорок, с умным и симпатичным лицом, возвращавшийся из Нижнего, куда он ездил по торговым делам. Специально «купеческо-

го» не было ничего ни в его манере, ни в его речи, – и фигура и разговор обличали интеллигентного человека. Оказалось, что он случайный сибирский житель. Попал он в Сибирь в 1865 году, двадцати лет от роду, со второго курса университета, замешанный в какое-то политическое дело, и, в качестве молодого человека без определенных занятий, жил во многих сибирских дырах, передвигаясь постепенно с дальнего востока на запад. Затем, когда по манифесту ему были возвращены все права [80], он получил определенные занятия в одном сибирском торговом доме. Семья помешала ему возвратиться в Россию.

Вот этот-то сведущий человек, сохранивший, несмотря на многие испытания судьбы, не только бодрость духа и здоровье, но и веселость характера, жил, между прочим, года три и в Нарыме, который, по его словам, еще хуже Сургута.

– Жутко приходилось, – рассказывал он. – Общества никакого, занятий в Нарыме никаких приискать нельзя, – какие там могут быть занятия?

– И что же вы делали?

– Да ничего не делал. Ходил на реку, ездил на рыбную ловлю, изучал быт остяков, кое-что почитывал, коли попадались книжки... Бывал на именинах у местных тузов из купцов и обязательно с ними пьянствовал. Заседатель еще, по счастью, человекоподобный попался, хотя и пил запоем, но без толку не отравлял жизни; а вообразите себя в таком захолустье да в полной зависимости от какого-нибудь пьяного, еле грамотного, глупого зверя, воображающего, что его задача состоит в том, чтобы доконать человека бессмысленными придирами. А ведь и такие попадались... Мы были со своим начальством, впрочем, в отличных отношениях... Вдобавок он во мне нуждался...

– Как так? – заинтересовался я.

– А я за него писал годовые отчеты по управлению Нарымским краем. Как, бывало, наступит время посылать в губернский город материал для составления общего отчета по губернии, мое начальство ко мне... Плох он был в грамоте...

– Как, вы, ссыльный, писали администра-

тивные отчеты? – расхохотался я.

– Это здесь не редкость! Иной исправник совсем не умеет связать нескольких предложений, а отчета требуют... Кто ж напишет, коли в каком-нибудь сибирском городке иногда нет ни одного, буквально ни одного грамотного человека? Ну, и просит помочь случайного грамотного жителя... В наше время и обыватели не сторонились и вообще как-то мирнее было.

– А после разве хуже стало?

– Больше бесполезных придирок... Ну, куда, скажите, вы убежите из какого-нибудь Нарыма?.. А бывают такие начальники, которые не пускают вас за город... И обыватель, под давлением такого начальства, бегаёт... никакого занятия не даёт и в большом городе, где есть возможность что-нибудь заработать. И живи, как знаешь, на шесть рублей месячного казенного пособия... Шибко бедуют... Уроков давать нельзя, практиковать врачу нельзя... Один вот приехал с женой в Тюкалу, так стал вывески писать... Другой стекла вставлял... Так много ли вывесок-то всех в Тюкале?

– Это вы про политических? – вступил в

разговор бывший тут ех-исправник. – Ах, я вам доложу, господа, чистая беда с ними... С одной стороны, боишься, как бы из-за них в ответе не быть, с другой – опять видишь, что человеку, что называется, ни тпру ни ну... Вот тут и разводи бобами... Да вот в Нижне-Илимске был случай... Жил там на покаянии молодой доктор один, с женой. Так, бывало, пойдут на реку да с удочками и сидят. Тем только и поддерживали себя... А как нарочно в ту пору народ шибко мер, тифы, да скарлатины, да дифтериты, а на целый округ один врач, которого и с собаками не сыщешь. Зовут люди этого самого рыболова-доктора, а он не смеет подать помощь, потому что не дозволено... Приехал я и вижу, что делать нечего... Разрешить не разрешил, а так, знаете ли, на словах говорю: «Лечите, мол, коли хотите, но в случае чего... я не разрешал...» Смеется и обрадовался... Стал лечить, народ и вздохнул, – видит, что помощь есть... Да только блажной какой-то был этот доктор... Большой чудак...

– А что?

– Да как же?.. Мог бы он в те поры деньги заработать, всякий охотно бы ему платил, а

он лечил даром... Только с подвального да с богатых и брал плату... Много ли с таких наберешь?.. После, как отбыл свой пятилетний термин и стал в некотором роде свободным гражданином, выехать-то и не на что... Так и остался в Сибири, место городского врача в каком-то городишке, слышал я, получил...

Много еще интересного рассказывали сведущие люди о жизни случайных гостей в Сибири, но передавать эти рассказы не стану.

Через неделю этого однообразного плавания с остановками у пустынных берегов для пополнения запаса дров, пароход подошел к нарымской пристани. Самый Нарым был в нескольких верстах.

На песчаном берегу островка было несколько построек: маленький домик для пассажиров, пекарня для заготовки хлеба на арестантскую баржу и лавчонка. На берегу собрались местные жители с молоком, яйцами, хлебом и просто в качестве любопытных зрителей. Две дамы в шляпках и с зонтиками в руках, очевидно, принадлежали к нарымской

аристократии.

Несколько остяков и остячек сидели на бревнах и апатично глядели на пароход. Другие подъехали на своих челноках с рыбой. Дешевизна рыбы (маленькие порционные стерлядки, например, продавались по семи-восемь копеек) поражала пассажиров, особенно петербуржцев.

Я подошел к группе остяков и заговорил с ними. Только один из них мог ответить по-русски, да и то с грехом пополам, мешая русские слова с остяцкими.

Тяжелое впечатление производят остяки. Вообразите себе маленькую, неуклюжую фигуру, плоское темно-желтое лицо, узкие гноящиеся глазки и шапку нечесанных, жестких, черных волос на голове. Выражение лица покорно-тупое. Я наблюдал одного остяка. В продолжение четверти часа он сидел неподвижно, бессмысленно устремив глаза в одну точку. Одеты они были в рубахах и портах из самого грубого холста... Ни сапог, ни шапок ни у кого не было.

И местная статистика и свидетельства наблюдателей единогласно подтверждают факт

постепенного вымирания этого полудикого народца финского племени. Сифилис и разные эпидемии и грубая эксплуатация, доводящая до нищеты, губят их. Помощи они ниоткуда не имеют. В Нарымском крае, площадь которого занимает 300 верст по Оби и 2000 верст с запада на восток, всего один врач. Сообщения примитивные: летом – на лодках, а зимой – на санях на весьма ограниченном протяжении, главным же образом – на лыжах. Понятно, что медицинская помощь бессильна. Нередки случаи и голодовок. «Вот уже несколько лет подряд, как остяки Сургутского округа подвергаются самым ужасным бедствиям. Рыбные и звериные промыслы у них с каждым годом делаются все хуже и хуже, а хлеб дорожает. Остяки впали в крайнюю нищету; между ними появился голод. Рассказывают, что года четыре или пять тому назад среди умиравших от голода остяков дело доходило до людоедства. Кто был посильней, тот хватал слабейшего, убивал его и съедал. В нынешнем году в сравнительно короткое время из ваховских и других остяков умерло от голода, по одним рассказам – 40, по другим –

до 70 душ. Все это происходило в виду казенных хлебозапасных магазинов, устроенных в центре остяцких поселений». [81]

В пояснение этого надо заметить, что остяки, звероловы и рыболовы по преимуществу, не занимаются хлебопашеством, да и в том крае мало удобных для того мест. Для продовольствия инородцев устроены хлебные магазины, из которых должна отпускатся мука за деньги, а иногда и в долг, по дешевой цене. Мера эта, по-видимому, и разумная, не достигает цели. Заведующие этими магазинами вахтера, большею частью из местных казаков, делают возмутительные злоупотребления, вступая в стачку с частными торговцами мукой. Они продают им всю казенную муку, записывая ее проданной инородцам, и эти последние должны поневоле покупать муку и соль у местных русских кулаков по более дорогой цене.

Рыболовство, чем прежде свободно занимался исключительно для себя инородец, давно уже перешло в руки русских кулаков-промышленников, завладевших насилием и обманом лучшими «песками» на Оби, принад-

лежащими остякам. По свидетельству людей, близко знакомых с делом, эксплуатация инородцев является в грубейшей, возмутительной форме. То же самое проделывается и звероловами. За тяжкий промысел в глухих урманах, где инородец, в поисках белки, медведя и лисицы, рискует ежеминутно жизнью, вознаграждается, разумеется, не промышленник, а скупщик-кулак, у которого инородец всегда в долгу. Спаивание водкой играет немалую роль при этом. [82]

Остяки официально христиане, но в действительности язычники, исповедующие культ грубого фетишизма. Они поклоняются идолам, обоготворяют камни. Идолы их – грубые человекоподобные фигуры, сделанные из дерева. В старое время, говорят, находили идолов, сделанных из меди и даже из золота. Остяки скрывают где-нибудь в глухом месте тайги своих идолов, боясь, чтобы не проведали русские и не обворовали их, так как остяки приносят жертвы и деньгами.

По словам людей, наблюдавших остяков, они честны, воровство у них почти неизвестно. Их покорно-забитый вид, тупость выраже-

ния не должны, однако, свидетельствовать об отсутствии умственных способностей. Они, правда, умственно неподвижны, но инородец-зверолов нередко выказывает немало сметливости и находчивости. Они скрытны и неохотно высказываются; русских недолюбливают. Живут они бедно и грязно. В еде неразборчивы: остяк ест и рыбу, и мясо в сыром виде, не прочь и от крыс.

«Когда режут оленя – в остяцких селениях торжественное событие. Группа остяков окружает только что зарезанное животное, и лишь его освободят от верхних покровов, как остяки, живо работая острыми ножами, глотают, кусок за куском, теплое сырое мясо, макая его в кровь или запивая ею».

Так описывает остяцкую пирушку г.Павлов, автор небольшой, не лишенной интересных сведений книги: 3000 верст по рекам Западной Сибири, изданной в 1878 году в Тюмени. По словам того же автора, лучшее лакомство остяков – кишки белок, наполненные орехами. Они едятся остяками с величайшим наслаждением.

Сколько мне известно, в литературе имеет-

ся весьма мало обстоятельных работ о быте остяков, об их верованиях и обычаях. Очень жаль, что ученые общества не посылают сюда солидных исследователей. Пройдет время, и, пожалуй, остяк исчезнет с лица земли.

XIV

На десятый день мы вошли в Томь. До Томска уже было недалеко. Пассажиры обрадовались: так надоели им однообразное плавание и обычная пароходная жизнь; всем, как Колумбовым спутникам, хотелось «берега».

Пристать мы должны были не к самому Томску, – к городу пароход подходит только весной, – а к Черемошину, селению верстах в шести от города. Там пароходная пристань и там же бараки для переселенцев.

Уже пристань была в виду, как наш пароход стал на мель. [83] Провозившись с добрый час, сгрузили часть груза на подошедшие лодки, и только тогда снова двинулись и наконец подошли к пристани.

Через полчаса на двух извозчиках, в сопровождении двух телег с багажом, мы отправились в столицу Западной Сибири. Расположенный на холмистой поверхности, окаймленный зеленеющими лесами, сверкавший куполами своих церквей под лучами заходящего солнца, Томск издалека казался привлекательным городом, и мы все нетерпеливо

ждали города, заранее предвкушая удовольствие хорошо выспаться на твердой земле после закуски и чая.

Но, увы! телеги с багажом, которые мы конвоировали, не позволяли нам двинуться с приличною скоростью, вдобавок и эти дрожки-гитары, попавшиеся нам, заставляли удерживать усердие возниц из боязни потерять маленьких пассажиров, еще не приспособившихся к балансированию на этих неудобных орудиях передвижения.

Наконец показались строения, довольно плохонькие. Вот и улица, немощеная, с деревянными мостками по бокам, вместо тротуаров, с низенькими невзрачными деревянными домами. Мои маленькие спутницы почему-то вообразили, что мы не в городе еще, а в предместье, и нетерпеливо спрашивают извозчика: «скоро ли город?» Оказалось, что мы не только в «самом Томске», но даже на главной улице. Я утешал, что дальше город будет лучше, но мы ехали дальше, а город все красивей не делался.

Наконец наш поезд остановился у единственной томской гостиницы. «Ни одного но-

мера! Все, что было, занято под генерал-губернатора!» – сообщил нам выбежавший лакей. Повернули и поехали в номера Войцеховского. «Был один номер, преотличный, да только что заняли!» – утешили нас и там.

Наш кортеж (две телеги впереди и две «гитары» позади) направился, по совету извозчиков, на постоялый двор. Подъехали к воротам. Вхожу на грязный «постоялый двор». Меня встречает сама хозяйка, несколько смахивающая на ведьму, первым делом спрашивает: «чьи вы будете?» и уже потом говорит, что у нее есть лишь одна свободная комната. Осматриваю: комнатка крохотная, кровать без тюфяка, грязь образцовая. Предлагает еще коридорчик на ночь («спокойный коридорчик») и снова, приятно оскаливая зубы, спрашивает: «чьи вы будете и зачем приехали?»

Ответив ей, что я прибыл в Томск для того, чтобы открыть хороший постоялый двор, и повергнув ее в недоумение, я вышел за ворота и устроил с извозчиками маленькое совещание, куда теперь направиться? В этом митинге приняли участие и двое прохожих, вмешавшиеся в наше дело, но ничего путного не

присоветовавшие.

Решили ехать на другой постоянный двор. «Там хоть и не очень чтобы чисто, а верно номера есть!» – советовали оба извозчика, выражаясь об этом дворе с видимою осторожностью.

Тронулись. Опять едем по той же улице (мы ее в этот вечер основательно изучили), доставляя скучавшим томичам даровой спектакль. А маленькие наши спутницы уже начинают зябнуть в своих летних ватерпруфчиках, пробыв часа два, если не все три, на воздухе, который в этот вечер не отличался теплотой. Уже начинает темнеть, когда наш поезд остановился у постоянного двора в одной из боковых улиц. И там ничего нет: все занято извозчиками-обозниками.

Этот ответ несколько смутил нас. Не ночевать же на улице! Советуют ехать на третий постоянный двор в одной из больших улиц. Снова выехали на злополучную большую улицу. Все молчаливы и смущены, как вдруг из ворот одного дома нас поманили: «Стой!» Остановились.

Какой-то черкес подошел и сказал, что в

этом доме есть комнаты, можно пристать. Оказалось, что этот черкес (из ссыльных, конечно) был кучером и дворником.

Я уже не осматривал комнат, а мы все прямо пошли в дом. Любезная и милая хозяйка провела нас в две маленькие комнатки и обещала устроить нас. Не прошло и четверти часа, как уж на столе шумел пузатый самовар, появились булки, масло и сливки, и затем внесли блюдо жареной телятины. Мы имели не только пристанище, но и отличный ужин.

Спасибо милой сибирячке! Она нас действительно устроила и призрела в этот злополучный вечер нашего приезда в Томск с радушием и вниманием, оставившим самое приятное воспоминание.

1

...в страну... классического «Макара»... – Имеется в виду русская поговорка: «Туда, куда Макара телят не гонял».

[^^^]

2

Карл Бедекер – составитель путеводителей. Здесь это имя употреблено как нарицательное.

[^^^]

Суворинский календарь – известный «Русский календарь», издававшийся с 1872 года А.С.Сувориным и содержащий разнообразные сведения исторического, географического и статистического характера.

[^^^]

4

Ободовский, Александр Григорьевич
(1796–1852) – ученый-географ, педагог. Автор
популярных учебников.

[^^^]

Паллас, Петр-Симон (1741–1811) – ученый-натуралист, автор «Путешествия по разным местам Российского государства», СПб., 1786.

Гумбольдт, Александр (1769–1859) – естествоиспытатель и путешественник, автор классических трудов по географии Азии, в том числе «Путешествия барона Александра Гумбольдта, Эренберга и Розе в 1829 году по Сибири и к Каспийскому морю». СПб., 1837.

Макк (Маак), Ричард Карлович (1825–1886) – географ и натуралист, исследователь Сибири и Дальнего Востока.

Щапов, Афанасий Прокопьевич (1830–1876) – общественный деятель, историк, автор работ по истории сибирского старообрядчества.

Ровинский, Павел Аполлонович (1831–1916) – путешественник и писатель. Его этнологические исследования о Сибири печатались в «Известиях Сибирского отдела русского географического общества» в 1870–1872 гг.

Ядринцев, Николай Михайлович (1842–1894) – общественный деятель, публи-

цист, путешественник, автор монографии «Сибирь как колония», СПб., 1882.

Потанин, Григорий Николаевич (1835–1920) – путешественник и историк, автор известных «Материалов для истории Сибири».

[^^^]

...в изданиях сибирского отдела географического общества... – Восточно-Сибирское отделение русского географического общества было учреждено в 1851 году, в 1877 году в Омске было открыто Западно-Сибирское отделение. Основные повременные издания: «Известия Сибирского отдела русского географического общества» и «Ежегодник» того же отдела.

[^^^]

...в положении... щедринского генерала на необитаемом острове. – Имеется в виду сказка М.Е.Салтыкова-Щедрина «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» (1869).

[^^^]

...сопоставить... с отзывами... Шашкова. –
Имеется в виду статья С.С.Шашкова «Сибирское общество в начале XIX века», напечатанная в 1879 году в журнале «Дело».

[^^^]

«Сибирь» – газета, выходившая в Иркутске с 1873 по 1887 год.

[^^^]

«Сибирская газета» – выходила в Томске с 1881 по 1888 год. Находясь в ссылке, Станюкович был одним из активных сотрудников газеты. С 1885 по 1888 год в ней печатались его очерки, фельетоны (например, «Торжество чумазого», Э 49, 1886; «Осажденный город», Э 47, 1886), сатирические стихотворения, обличительный роман «Не столь отдаленные места» (1886). Под псевдонимом «Старый холостяк» писатель опубликовал здесь цикл очерков «Сибирские картинки».

[^^^]

Ярыжка – низший чин служащего в приказе.

[^^^]

Судебная реформа уже введена (Гласный суд – суд присяжных, введенный судебной реформой 1862–1864 гг. Назывался гласным между прочим и потому, что судебное разбирательство происходило в нем в присутствии публики.), как известно. *(Прим. автора.)*

[^^^]

...червонных тузов и валетов... – т.е. уголовных преступников.

[^^^]

Остяк. – Остяки – прежнее собирательное название нескольких народностей Сибири: хантов, кетов и др.

[^^^]

Самоед (устар.). – Самоеды – название ряда народностей северо-востока России и Сибири: ненцев, нганасан и др.

[^^^]

Гасконцы – жители одной из провинций Франции, прославившиеся находчивостью, храбростью, склонностью к преувеличениям и хвастовству.

[^^^]

Шаньга (диал.) – род ватрушек или лепешек, смазанных маслом, сметаной, медом.

[^^^]

Аркадия – традиционный образ страны райской невинности и патриархальной простоты нравов.

[^^^]

Екатеринбург – ныне г.Свердловск (с 1924 года).

[^^^]

...чичиковские слова генералу Бетрищеву: «Терпением, можно сказать, повит и спеленат, будучи, так сказать, одно олицетворенное терпение, ваше превосходительство!» – Неточная цитата из второй главы II тома «Мертвых душ». У Гоголя: «На терпенье, можно сказать, вырос, терпеньем воспоен, терпеньем спеленат, и сам, так сказать, не что другое, как одно терпенье».

[^^^]

Ламентации – жалобы, сетования (лат.).

[^^^]

Николаевская дорога – строилась с 1837 по 1851 год. Ныне – Октябрьская железная дорога.

[^^^]

...классические Держиморды... – Держиморда – полицейский из комедии Гоголя «Ревизор».

[^^^]

24

Винт – карточная игра, в которой обычно участвуют четыре человека.

[^^^]

...услышите веселые замечания насчет «кукушки и ястреба»... – Имеется в виду русская поговорка «менять кукушку на ястреба».

[^^^]

Нижний – прежнее (до 1932 г.) название г. Горького.

[^^^]

«местный колорит» (*франц.*)

[^^^]

«само по себе» (нем.)

[^^^]

...из номеров Ечкина... – меблированные комнаты Ечкина (бывшие Ломакина) находились на Трубной площади в Москве.

[^^^]

*...вокзал Нижегородской железной дороги... –
ныне Курский вокзал в Москве.*

[^^^]

...вроде старого «юса» из управы благочиния. –
Юс – приказный, подьячий, законник.

[^^^]

Гиер (Иер) – город во Франции на побережье Средиземного моря.

[^^^]

простушка (*франц.*)

[^^^]

Бутарь – будочник, городской (простореч.).

[^^^]

Ватерпруф – непромокаемое летнее пальто
(англ.).

[^^^]

...тот же классический коридорный, с грязною салфеткой в руках, который встречал и Павла Ивановича Чичикова. – В I главе I тома «Мертвых душ» Павел Иванович Чичиков «был встречен трактирным слугою, или половым, как их называют в русских трактирах... Он выбежал проворно, с салфеткой в руке...»

[^^^]

...плавучий «мертвый дом»... – т.е. плавучая тюрьма. Название «Записок из Мертвого дома» Ф.М.Достоевского (1861–1862) используется Станюковичем как имя нарицательное.

[^^^]

Из 5589 переселенцев, проследовавших с мая по октябрь настоящего года через Томск, 4639 человек прибыли в Томск водою и только 950 человек сухим путем. *(Прим. автора.)*

[^^^]

Из общего числа переселенцев, проследовавших в 1885 г. через Томск, из переселенцев, прибывших водой, пользовались врачебной помощью около 13 %, а из числа прибывших сухим путем – 8 %. (Прим. автора.)

[^^^]

Памятн. книжка Томск. губ. на 1885 г., стр. 25.
(Прим. автора.)

[^^^]

Санитарное состояние Томской губернии в 1883 году (Памятн. книжка Томск. губ. на 1885 г., стр. 25 и 26). *(Прим. автора.)*

[^^^]

См. Сиб. Газету (Э 36) и Русск. Вед. (Э 211).
(Прим. автора.)

[^^^]

Малоизвестные публике сведения о земельном неустройстве на «благодатном» Алтае извлекаем из статьи: Народонаселение Томской губернии в связи с крестьянскими переселениями, составленной по официальным данным и напечатанной в Памятной книжке Томск. губ. на 1884 год, изданной статистическим комитетом. *(Прим. автора.)*

[^^^]

Некоторые селения Бийского округа разрослись до огромных размеров, вследствие прилива переселенцев, и земельные угодья значительно уменьшились в таких селениях уже и в настоящее время. *(Прим. автора.)*

[^^^]

В 1875 г. в одной деревне Бийского округа за приемный приговор брали от 10 до 20 руб. с семьи; в 1877 г. в той же деревне брали 35, а в 1879 – до 55 руб. (*Прим. автора.*)

[^^^]

Переселенцы, по опыту знающие беды от малоземелья, являются, по словам наблюдателей, главными подстрекателями в земельных спорах. Они подбивают и старожилов требовать точного разграничения по планам. *(Прим. автора.)*

[^^^]

Около 300 руб. на семью. (Прим. автора.)

[^^^]

Земства – органы местного самоуправления, созданные в России по реформе 1864 года.

[^^^]

По словам врача, пользовавшего переселенцев, большая часть взрослых больных страдала болезнями от дурного питания. Серьезное лечение больных, разумеется, было невозможно; переселенцы торопились ехать, и даже тяжело больные не оставались, не желая отбиваться от партий. *(Прим. автора.)*

[^^^]

Приводим любопытную и характерную таблицу, показывающую, из каких губерний шли переселенцы в нынешнем году.

1) Из Тамбовской 1303 чел. и 11 ходоков от 65 семей

2) « Курской 956 « 20 « « 67 «

3) « Вятской 566 « 38 « « 55 «

4) « Пермской 551 « 38 « « 124 «

5) « Орловской 413 « 13 « « 17 «

6) « Обл. В.Донского 296 « – « « – «

7) « Пензенской 173 « 3 « « 3 «

8) « Черниговской 169 « 8 « « 10 «

9) « Томской 123 « 2 « « 2 «

10) « Воронежской 107 « 2 « « 2 «

11) « Тобольской 93 « – « « – «

12) « Рязанской 90 « 5 « « 5 «

13) « Самарской 87 « 2 « « 7 «

14) « Полтавской 79 « 3 « « 8 «

15) « Вологодской 66 « 2 « « 2 «

16) « Казанской 63 « 1 « « 1 «

17) « Радомской 58 « – « « – «

18) « Нижегородской 36 « – « « – «

19) « Уфимской 28 « – « « – «

- 20) « Костромской 27 « – « « – «
- 21) « Калужской 25 « – « « – «
- 22) « Екатеринославской 24 « – « « – «
- 23) « Владимирской 24 « – « « – «
- 24) « Харьковской 18 « – « « – «
- 25) « Тульской 15 « 1 « « 3 «
- 26) « Смоленской 11 « – « « – «
- 27) « Астраханской 10 « – « « – «
- 28) « Келецкой 10 « – « « – «
- 29) « Ковенской 7 « – « « – «
- 30) « Енисейской 5 « – « « – «
- 31) « Симбирской 3 « – « « – «
- 32) « Оренбургской 2 « – « « – «
- 33) « Тверской 2 « – « « – «

– Итого 5440 человек и 149 ходоков
от 371 семьи.

[^^^]

Списываю для образца некоторые из этих описаний, очевидно назначенных для руководства переселенцев, во всей их прелестной неприкосновенности. Эти «описания» помещены против названия каждого участка, в графе под такой рубрикой: «Направление от г.Барнаула до поименованных участков и селений и местные условия» (при этом в Списке не упомянуто количество земли, а помещено только число «душ», которым можно поселиться).

[^^^]

Газета Владивосток, No 22. См. заметку г.Гребенщикова. *(Прим. автора.)*

[^^^]

В газетах, помнится, сообщали факт гибели одного волжского парохода, которым командовал отставной церковнослужитель. *(Прим. автора.)*

[^^^]

Карамболь – термин бильярдной игры.

[^^^]

Гарун-аль-Рашид – правильное: Харун-ар-Рашид (763–809) – багдадский халиф, традиционный герой арабских сказок «Тысячи и одной ночи».

[^^^]

...одобрить идеал аракчеевского общежития...
– т.е. военные поселения, введенные в России в 1810 году по проекту графа А.А.Аракчеева (1769–1834) и просуществовавшие до 1857 года.

[^^^]

...ввиду скорого окончания железной дороги от Екатеринбурга до Тюмени... – строительство этой дороги было завершено в 1885 году.

[^^^]

Кошева (диал.) – широкие и глубокие сани, обитые кошмою, войлоком и т.д.

[^^^]

Об этих удобствах сибирской жизни говорилось в Очерках русской жизни (Р. М., кн. IX).
(Прим. автора.)

[^^^]

...въезд в страну, «где мрак и холод круглый год» – из поэмы Н.А.Некрасова «Княгиня Трубецкая» (1871).

[^^^]

...не имеют, однако, безотрадности надписи над Дантовым адом: «Оставь надежды навсегда». – Из третьей песни «Ада» «Божественной комедии» Данте. В переводе М.Лозинского это место звучит так: «Входящие, оставьте упования».

[^^^]

Да... страшный край... Оттуда прочь... – из поэмы Н.А.Некрасова «Княгиня Трубецкая» (1871).

[^^^]

...восстание в 63-м году... – Имеется в виду национально-освободительное восстание 1863 года, охватившее Королевство Польское, Литву и частично Белоруссию.

[^^^]

Улус (тюрк.) – становище кочевников, селение.

[^^^]

В Восточной Сибири, глядя по местностям, выдают до 15 р. на человека вследствие большой дороговизны муки и мяса. (*Прим. автора.*)

[^^^]

Сибиряки любят называть свои пароходы фамилиями административных лиц. Все пассажирские пароходы фирмы Курбатова и Игнатова носят подобные названия. Кроме «Рейтерна», есть «Коссаговский» (фамилия директора департамента), «Казнаков» (фамилия бывшего генерал-губернатора Западной Сибири) и «Беленченко». Впрочем, клички иногда меняются со сменой начальства. Приедет новый начальник – и пароход переименовывается именем нового. *(Прим. автора.)*

[^^^]

Игнатъев Алексей Павлович – генерал-лейтенант, был иркутским генерал-губернатором с 1885 по 1889 год.

[^^^]

Серая эминенция – тайный осведомитель, доносчик (*франц.*).

[^^^]

Похищение дел из присутственных мест – обычный прием в Сибири. Не особенно давно еще из губернского совета одного большого сибирского города исчезло уголовное дело о двух богатых и влиятельных коммерсантах, благодаря чему названные купцы оставлены лишь в подозрении. *(Прим. автора.)*

[^^^]

...со времен Пестеля и Трескина. – Пестель Иван Борисович (1765–1843), государственный деятель, в 1806 году был назначен сибирским генерал-губернатором. В течение 12 лет оставался на этом посту, большую часть времени проживая в Петербурге. Действовавший его именем иркутский губернатор Трескин совершал крупные хищения, всячески злоупотреблял властью, что в конце концов вызвало ревизию Сибири и назначение нового сибирского генерал-губернатора – М.М.Сперанского.

[^^^]

...слова некрасовской Ненилы: «Вот придет барин!» – из стихотворения «Забытая деревня» (1855).

[^^^]

Во время террора, наведенного на Сибирь управлением Пестеля и Трескина, когда всякие жалобы перехватывались и жалобщикам грозили жестокие кары, иркутский мещанин Саламатов решился пробраться в Петербург и лично вручить донос императору Александру I. В 1818 г. он добирается через Китай, через степи и леса, в Петербург, подает донос государю и «просит приказать его убить, чтоб избавить от тиранства Пестеля». (Прим. автора.)

[^^^]

...жаловался в своих сибирских письмах Сперанский... – М.М.Сперанский (1772–1839) – знаменитый государственный деятель, в 1819–1821 гг. – генерал-губернатор Сибири. Его сибирские письма были впервые опубликованы в сборнике «В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872», СПб., 1872. Станюкович приводит цитаты из писем Сперанского от 20 мая 1820 года к гр. В.Н.Кочубею и кн. А.Н.Голицыну (стр. 312, 304 указ. издания).

[^^^]

...немец Руперт... – Руперт, Вильгельм Карлович, иркутский генерал-губернатор в 1837–1847 годах.

[^^^]

...остатки когда-то грозного и могучего мусульманского царства... – Имеется в виду независимое татарское ханство, образовавшееся на территории Сибири в XVI веке и имевшее своей столицей г.Сибирь на Иртыше.

[^^^]

...сатрап-хищник, князь Гагарин... – Гагарин, Матвей Петрович – сибирский губернатор при Петре I, казненный в 1721 году за злоупотребление властью.

[^^^]

Жолобов, Алексей Петрович – иркутский губернатор, казненный в 1736 году за злоупотребление властью.

[^^^]

...с «печальным пасынком природы»... – Цитата из вступления к поэме Пушкина «Медный всадник» (1833).

[^^^]

Глухие лесные труппы здесь называются «урманами». *(Прим. автора.)*

[^^^]

...по манифесту ему были возвращены все права... – Имеется в виду манифест Александра III от 29 апреля 1881 года.

[^^^]

Корреспонденция из Сургута (Петерб. Газета
1885 г.). *(Прим. автора.)*

[^^^]

О промыслах в Нарымском крае есть прекрасно составленный очерк г.Шестаковича в Записках Западно-Сибирского Отдела Географ. Общества за 1884 год, а о положении промысловых рабочих можно найти интересные сведения в Сибирской Газете (1884 и 1885 гг.) и Сибирском Вестнике (1885 г.). *(Прим. автора.)*

[^^^]

...пароход стал на мель. – В воспоминаниях о Станюковиче О.В.Яфы-Синакевич это происшествие описано на основании рассказов дочери и жены писателя: «Внезапно пароход сел на мель. А баржу продолжало силою течения нести вперед, – и она неизбежно налетела бы на него и, разбившись, пошла бы ко дну со всеми запертыми в клетке людьми. Казалось, их гибель была неизбежной. Капитан, вероятно, не очень опытный, так растерялся, что ничего не предпринимал, теряя последние мгновения, в которые еще можно было предотвратить несчастье... Константин Михайлович в эту роковую минуту был на палубе. Мгновенно он забыл, что сам он здесь такой же бесправный ссыльный, как и те обреченные, что были на барже. В нем проснулась душа моряка, душа его отца – „грозного адмирала“ и, возможно, всех его предков моряков-командиров, – и он так властно командовал матросам: „Руби канат!“, что они тотчас подчинились ему, точно он и всегда был их единственным начальником. Даже капитан

невольно без протеста уступил ему командование. Канат был перерублен как раз вовремя, и баржа спокойно и невредимо проплыла борт о борт мимо парохода. Сотни, казалось, уже обреченных на гибель людей были спасены». (Цит. по кн.: В.П.Вильчинский. Константин Михайлович Станюкович. Жизнь и творчество. М.-Л., 1963, стр. 229.)

[^^^]